САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Никитина Ирина Владимировна

Лексико-семантическая группа глаголов приведения в эмоциональное состояние в современном русском языке

Выпускная квалификационная работа

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Колосова Т.Н.
Рецензент:
к.ф.н., доц. Хруненкова А.В.

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

В процессе общения и взаимодействия люди постоянно обмениваются эмоциями, и успешность данного взаимодействия во многом зависит от правильного понимания одним человеком эмоциональных переживаний другого. Эмоциональные переживания и отношения субъектов распознаются в том числе по использованию определенных вербальных средств, среди которых значительное место занимает глагольная лексика. При этом в условиях иноязычного общения возможна ошибочная интерпретация данных средств, поскольку в разных культурах они могут не совпадать. Эмоции являются сопутствующим элементом бытовой жизни каждого человека, поэтому использование глаголов приведения в эмоциональное состояние является необходимостью и может в значительной мере расширить речевые возможности иностранцев в плане передачи своего эмоционального состояния, чувств и реакций на события окружающей действительности.

Важную роль в исследовании и описании глагольной лексики играют лексико-семантические группы (ЛСГ) – объединения слов, имеющих базовый семантический компонент. Поскольку для наиболее эффективного усвоения иностранцами русской глагольной лексики необходима ее классификация по логико-семантическому критерию, описание и анализ ЛСГ является актуальным как в теоретическом плане, так и для практики преподавания РКИ.

Несмотря на достаточное количество работ данной тематики, не все глагольные ЛСГ на данный момент описаны и в достаточной мере изучены. Сказанное в значительной мере относится к ЛСГ глаголов приведения в отрицательное эмоциональное состояние (*обижать, огорчать, раздражать, доканывать* и др.).

Глаголы данной группы составляют значительный пласт лексики русского языка, а также обладают высокой частотностью употребления (по данным сайта Национального корпуса русского языка www.ruscorpora.ru. Например, для глагола *злить* найдено 576 примера, *огорчать* – 1 657,

раздражать – 5 895). Сказанное делает важным изучение ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние в иностранной аудитории и обуславливает **актуальность** работы.

Цель исследования: выявить особенности семантики и функционирования глаголов приведения в эмоциональное состояние в современном русском языке.

Для достижения цели нами необходимо решить ряд **задач**:

1. описать теоретическую базу исследования;

2. выявить типовую модель ситуации приведения в эмоциональное состояние;

3. отобрать глагольные единицы, служащие для языкового выражения данной ситуации;

4. классифицировать выбранные единицы с учётом их функциональной и семантической общности;

5. проанализировать особенности функционирования единиц данной ЛСГ в современном русском языке (на основе выборки из НКРЯ);

6. выявить лингвокультурные особенности одной из подгрупп и предложить модель лингвокультурологического описания глаголов данной подгруппы.

Методы исследования: метод наблюдения; метод сплошной выборки материала из словарей русского языка; метод направленной выборки из НКРЯ; метод компонентного анализа; метод дистрибутивного анализа; метод описания; элементы полевого метода; статистический метод.

Объектом данной работы являются глаголы приведения в эмоциональное состояние.

Предмет исследования: особенности семантики и функционирования глаголов приведения в эмоциональное состояние в современном русском языке.

Материал исследования: толковые, идеографические, лингвокультурологические словари русского языка, словари синонимов и

антонимов, Толковый словарь русских глаголов Л.Г. Бабенко, материалы сайта Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) и Google книги (https://books.google.ru/).

Практическая значимость работы: результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания РКИ на занятиях по лексике и грамматике, а также при дальнейших исследованиях в области лексико-семантических объединений глагольной лексики; в практике создания двуязычных или одноязычных лингвокультурологических словарей.

Теоретические и практические результаты данной работы прошли **апробацию** на XIX Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ, проходившей с 18 по 22 апреля 2016 года («Лексико-семантическая группа глаголов приведения в отрицательное эмоциональное состояние (функционально-семантический аспект)»), а также на XX Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ, проводившейся с 17 по 21 апреля 2017 года («Лексико-семантическая группа глаголов приведения в эмоциональное состояние в лингвокультурологическом аспекте»).

Глава I.

Теоретические основы описания эмотивной глагольной лексики

1. Лексика как системная организация языка

1.1.Основные проявления лексической системности

Лексикология (от *греч.* lexikos — словарный + logos — учение) – это раздел языкознания, занимающийся изучением словарного состава языка (Розенталь, 1985:107). Обычно для обозначения словарного состава языка используется термин **лексика**. Слово лексика многозначно. В Словаре лингвистических терминов Д. Э. Розенталя зафиксированы следующие значения:

Лексика (от *греч.* lexikos — словесный, словарный) – это 1. Словарный состав языка. 2. Совокупность слов, связанных со сферой их использования. *Лексика устной речи. Разговорно-бытовая лексика. Лексика книжно-письменной речи.* 3. Совокупность слов, связанных с их происхождением. *Исконно русская лексика. Восточнославянская лексика. Заимствованная лексика.* 4. Один из стилистических пластов в словарном составе языка. *Нейтральная лексика. Эмоциональная лексика. Экспрессивная лексика. Возвышенная лексика.* 5. Совокупность слов, характерных для какого-либо литературного направления, словарный состав отдельного художественного произведения, словарь языка того или иного писателя. *Романтическая лексика. Лексика "Евгения Онегина" Лексика Тургенева.*

Согласно определению, данному в словаре О.С. Ахмановой, л**ексика** (*англ*. vocabulary, *фр*. vocabulaire, *нем.* Wortschatz, ucn. vocabulario, léxico) – это 1. (словарный состав). Вся совокупность слов, входящих в состав какого-л. языка или диалекта. 2. Совокупность слов, характерных для данного варианта речи, также в связи с данной сферой ее применения. *Лексика бытовая. Лексика военная. Лексика деловая.* 3. Один из стилистических пластов в словарном составе языка. *Лексика абстрактная. Лексика аффективная. Лексика возвышенная. Лексика вульгарная. Лексика*

нейтральная. Лексика общеупотребительная. Лексика поэтическая. Лексика просторечная. Лексика интернациональная англ. international vocabulary. Совокупность интернационализмов, бытующих в данном языке или общих для ряда языков, обычно вследствие общих черт в их культурно-историческом развитии. *Лексика экзотическая англ. exotic vocabulary*. Слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемые для придания речи особого колорита, в русск. яз. гурия, гяур, шальвары, аул, уздень, чихирь. *Лексика эмоциональная англ. emotive words*. Слова (лексемы), имеющие в данном языке устойчивую эмоциональную окрашенность, Некоторые слова, образованные посредством уменьшительно-ласкательных аффиксов (русск. *доченька, голубка*); образованные посредством увеличительных аффиксов (русск. *бабища, бородища, домище*); бранные слова и др. 4. Совокупность слов, употребленных каким-л. автором, словарный состав его «языка». *Лексика Пушкина* (Ахманова, 1969:214).

Исходя из приведённых определений, можно заключить, что взгляд авторов на лексику во многом сходится (совпадают значения в первом, втором и последнем пунктах). Также обнаружены и некоторые отличия: в словаре Д.Э. Розенталя отмечается связанность лексики с её происхождением (*исконно русская, восточнославянская, заимствованная лексика*); О.С. Ахманова придаёт особое значение стилистической окрашенности лексических единиц (*лексика возвышенная, вульгарная и проч.*). О.С. Ахманова отмечает также эмоциональную и экзотическую лексику, не забывает упомянуть об эмоционально-окрашенных с помощью суффиксов словах (*бабища, бородища*).

Для нашей работы имеют ценность положения о том, что лексика – это не только совокупность всего словарного состава языка, но также совокупность, связанная со сферой ее применения, а также связь лексики со сферой её использования, лексика – один из стилистических пластов в словарном составе языка. Глагольная лексика служит для выражения

действия или состояния, движения и перемещения, обозначения воздействия на предмет. В частности, глаголы эмоционального состояния используются для обозначения внешних проявлений поведения, указывают на то, что субъект переживает/испытывает какое-либо состояние. Это позволяет охватить весь количественный состав одной ЛСГ, а также включить в рассмотрение стилистически окрашенные слова.

Для описания лексико-семантических объединений, важно, что лексика состоит из «совокупности элементов, связанных внутренними отношениями» (Степанов, 1975:42), то есть, представляет собой систему. Рассмотрим сущность лексической системности.

Понимание того, что все слова взаимосвязаны, было свойственно лингвистам уже с очень давних пор. Сегодня системность языка считается общепризнанным положением. Система есть в фонетике, синтаксисе, морфологии. Как отмечает И.П. Слесарева, ещё несколько лет назад понятие «система» употреблялось с определенными оговорками и не имело однозначного толкования (Слесарева, 1990:13). Однако стоит отметить, что первое издание книги «Проблемы описания и преподавания русской лексики» И.П. Слесаревой, где и было сделано данное замечание, относится к 1990 г., поэтому использование данного понятия сегодня уже не ново.

Лексика любого языка представляет собой не простое множество слов, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня, обладающих внутренними отношениями. Е.И. Зиновьева отмечает: «Ни одно слово в языке не существует изолированно от его общей номинативной системы. Слова объединяются в типы на основании тех или иных признаков» (Зиновьева, 2005:30).

Основанием для их объединения могут служить:

- нелингвистические характеристики (деление лексики на тематические классы, т.е. такие наборы слов, которые связаны единой темой и сходством обозначаемых понятий, например, слова, называющие предметы быта или слова, обозначающие абстрактные явления и т.д.);

- собственно-лингвистические свойства слов (распределение слов по частям речи по лексико-семантическим и формально-грамматическим признакам);
- лингвостилистические признаки (выделение групп слов, которые кроме денотата, сообщают ему добавочную оценку, т.е. обладают коннотацией) (Фомина, 2001:10) .

Системность в лексике проявляется:

- в семантической структуре слова, отражающей его отношение к действительности;
- в словопроизводственных отношениях, связях с другими словами по форме, отношению слова к той или иной общей или частной лексико-грамматической категории;
- в семантических связях и отношениях слов; объединении их в лексико-тематические группы, терминологические ряды, семантические микросистемы;
- в семантико-фразеологических связях слов;
- в объединении слов по стилистическим свойствам (Сорокин, 1965:13).

Как следует из сказанного выше, внутри лексических объединений устанавливаются различные отношения. Критериями объединения слов могут являться как общность их значения, так и противоположность; сходность и противопоставленность по стилистическим свойствам; общий тип словообразования или происхождения; принадлежность к активному или пассивному запасу лексики и т.д. Системные отношения могут проявляться также в особенностях группировки целых классов слов (парадигматика) или в особенностях их соединений друг с другом (синтагматика).

Для нашей работы имеют ценности следующие виды лексической системности: парадигматические, синтагматические, синонимические, а так же лексико-семантическая группа (ЛСГ). Рассмотрим их более подробно.

1.2. Парадигматика и синтагматика

Основным показателем системности лексики являются объединения рядов слова, которые составляют определённую лексико-семантическую парадигму. Такие системные отношения называются **парадигматическими**.

Парадигма (от греч. *paradeigma - 'пример, образец'*) обозначает ряд противопоставленных языковых единиц, каждый член которого определяется отношениями к другим членам ряда. Лексико-семантическая парадигма объединяет слова, противопоставленные по определённому семантическому признаку (например, по признаку «профессия»: *учитель, врач, лётчик*). Одно и то же слово может входить в несколько парадигматических групп (Русский язык, 1979:196-197).

К парадигматическим отношениям относятся группировки слов в системе языка, основой которых является оппозиция: синонимия, антонимия, паронимия, гипонимия, гнездо слов, семья слов, лексико-семантическая группа, поле.

В.И. Половникова выделяет следующие парадигматические объединения:

1) ряды слов, ограниченные названием лиц определённой профессиональной принадлежности (*архитектор, инженер, рабочий*), действий в данной сфере деятельности (*чинить, ремонтировать, исправлять*), объектов (*здание, дом, постройка*);

2) ряды слов, показывающие соподчинение лиц (*строитель – инженер, рабочий*), предметов *(поезд - вагон, купе, тамбур)*;

3) пары слов, выражающих противопоставление: *открыть – закрыть (дверь), разрушать – восстанавливать (путь)*;

4) ряды слов, показывающие разноплановые действия по отношению к объекту: *билет – брать, покупать, проверять* (Половникова, 1982:11).

Мы считаем важным также рассматривать в этой связи ещё такое парадигматическое объединение, как синонимы и синонимические ряды. Данные лексические объединения важны для нашего исследования, так как

члены одной ЛСГ – синонимы. Например: *донимать, нервировать, будоражить, раздражать, волновать, нервировать* и т.д. Подробно подобные отношения будут рассмотрены нами далее.

Лексико-семантические парадигмы – это устойчивое явление в каждом языке, не подверженное изменениям под влиянием контекста. Однако семантика многих слов зависит от их функционирования в речи и отражает особенности контекста. Поэтому их принято рассматривать в совокупности с **синтагматическими** связями (Зиновьева, 2005:31).

Синтагма образовано от греч. syntagma – «вместе построенное, соединённое». Синтагмой называется «сравнительно небольшая группа слов, объединённых соседством в речевой цепи и тесной смысловой связью» (Маслов, 1987:79).

Синтагматика – это совокупность правил и закономерностей, определяющих отношения между единицами в речевой цепи, взаимосвязь слова с окружающим его контекстом. Они обязательно присутствуют в речи и основаны на ее линейном характере, исключающем одновременное произнесение нескольких языковых единиц (Русский язык, 1979: 288-289).

К синтагматике относят группировки слов по их расположению в речи относительно друг друга. Основой таких отношений является дистрибуция (множество всех окружений (контекстов), в которых встречается некоторый элемент); или, если речь идёт о функционировании в речи, – синтагмы (ЛЭС, 1990:439). Нас в большей степени будут интересовать глагольные синтагмы, то есть те, ключевым компонентом которых является глагол или глагольная словоформа, связанная предикативной связью со словами, имеющими значение субъекта и подчинительной (управление или примыкание) с именными словоформами или наречиями (Розенталь, 1985:433). Глагол объединяет данные компоненты в одно структурно-смысловое целое, в результате чего между ними возникает опосредованная смысловая связь и передаётся значение действия.

Зависимость синтагматического типа отношений от контекста проявляется в изменении лексических свойств слова в определённых сочетаниях с другими словами. Например, появление и развитие у него переносных значений. Синтагматические связи также находятся под влиянием экстралингвистических факторов: возникают новые реалии, расширяются наши представления о мире, а значит, могут появиться новые синтагматические связи (стеклянные потолки, стеклянная сковорода, виртуальная реальность и др.) (Зиновьева, 2005:32).

1.2.1 Синонимо-антонимические отношения

Как отмечалось выше, одним из проявлений парадигматических отношений в лексике являются отношения синонимии. Для русского языка характерно существование большого количества синонимических рядов, поэтому можно говорить о важной роли синонимов. Как отмечает В.Д. Черняк, «в закономерностях синонимического варьирования проявляются характерные для русского языка формы концептуализации действительности» (Черняк, 1992:3).

Несмотря на достаточную разработанность данной проблемы (см., например, работы А.П. Евгеньевой, М.В. Никитина, Ю.Д. Апресяна, Н.М. Шанского и др.) среди лингвистов нет единого взгляда на определение данного понятия. Лингвисты расходятся в определении и трактовке синонимов, поскольку синонимами признаются либо слова, полностью совпадающие в своих значениях, либо понимание близости значительно расширяется и в число синонимов также включаются слова, которые обозначают разные понятие, хотя и близкие между собой (Евгеньева, 1972:1).

Так, например, М.И. Фомина придерживается широкого понимания данного явления и называет синонимами «близкие или тождественные по значению слова, по-разному называющие одно и то же понятие о предмете, явлении, действии и т.д., но отличающиеся друг от друга либо оттенками

значения, либо стилистической окраской, либо одновременно обоими признаками» (Фомина 1990:94).

В свою очередь Н.А. Кузьмина пишет, что слова, тождественные по значению – это абсолютные, точные синонимы: бегемот – гиппопотам, правоведение – юриспруденция. Однако длительное и равноправное существование абсолютных синонимов совершенно не типично для языка, обычно стремящегося к преодолению дублетности. К тому же, абсолютные синонимы – это только факт языка, в речи их практически нет (Кузьмина, 2010:84). Г.О. Винокур также отмечает: «Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре». В то время как в живой речи мы не найдём такого положения, в котором «было бы всё равно, как сказать: *конь* или *лошадь, ребёнок* или *дитя, дорога* или *путь* и т.д.» (Винокур, 1929:85).

З.Е. Александрова определяет синонимы как «слова, которые имеют одно и то же лексическое значение, различаясь лишь оттенками значения, экспрессивной окраской и принадлежностью к тому или иному стилистическому слою языка, и которые имеют хотя бы частично совпадающую сочетаемость, так как только в этом случае они способы замещать друг друга в реальных контекстах» (Александрова, 2001:4).

В.Д. Черняк пишет, что, с одной стороны, в ономасиологическом аспекте, синонимия рассматривается с точки зрения общности номинации. То есть синонимы – слова с одинаковым денотативным, предметным содержанием. С другой стороны, в семасиологическом аспекте понимается как близость значений одного языкового уровня. В современных исследованиях же принимается когнитивный аспект осмысления данного языкового явления: синонимию связывают с дифференцированной номинацией, а синонимический ряд – с объективацией концепта, отражающей различные стороны смыслового значения (Черняк, 199:6).

С точки зрения В.Д. Черняк, семантическое сходство в совпадении базовых компонентов лексем – это основа синонимии, однако

коммуникативная ценность синонимов проявляется именно в различиях между ними. Рассмотрим это на примере глаголов приведения в отрицательное эмоциональное состояние. Стилистической окрашенностью различается следующая синонимическая пара: *нервировать – донимать (разг.).* В ряду глаголов *дразнить – раздражать – сердить* первый глагол, согласно данным «Толкового словаря русских глаголов» Л.Г. Бабенко подчеркивает умышленность, второй указывает на интенсивность эмоции, сердить – более серьёзное и длительное состояние, что может объясняться его этимологическим родством со словом «сердце».

В нашей работе вслед за В.Д. Черняк (Там же) за основу синонимии будем принимать семантическую общность лексем, наличие в их лексическом значении ряда общих сем.

Два или более лексических синонима, соотносимых между собой, образуют в языке определённую группу, парадигму, иначе называемую синонимическим рядом (Фомина, 2001:97). В.Д. Черняк отмечает: «Синонимический ряд представляет собой целостный структурно значимый элемент лексико-семантической группы, формирующий в её пределах зону максимальной синтаксической близости» (Черняк, 1992:20). Отметим, что «синонимические отношения проявляются на уровне отдельных значений в условиях определённых контекстов» (там же, 1992:22)., то есть в синонимические ряды объединяются не отдельные слова, а их лексико-семантические варианты, что служит основанием говорить о пересекаемости парадигм.

По мнению В.И. Половниковой, синонимические ряды представлены в двух подгруппах в зависимости от выполняемых ими функций в языке: 1) **идеографические** (семантические) **синонимы** и 2) **стилистические и стилевые синонимы.** Идеографические синонимы различаются некоторыми компонентами значений: *злить – сердить, нервировать – раздражать.* При этом стилистическими называются синонимы с различными эмоциональными и экпрессивными коннотациями, а стилевыми – синонимы,

принадлежащие к различным стилям речи (*пугать – стращать* (прост.); *сердить – доводить* (прост.)). Следует, однако, заметить, что при данном делении границы могут быть очень нечеткими (Половникова, 1982:22-23). Выбор синонима из парадигмы носит оценочно-стилистический характер и зависит от желания говорящего.

Синонимия связывается с таким важным проявлениям лексической системности, как лексико-семантическая группа (ЛСГ)

Однако более глубоким показателем лексической системности являются закономерности взаимодействия синонимов с антонимами.

Несмотря на обширное количество работ, посвящённых антонимам и антонимии (Новиков А.А., Введенская Л.А., Шмелёв Д.Н., Иванова В.А., Л.А. Введенской. и др.), данный вопрос также обнаруживает множество теоретических проблем, таких как основания для антонимических противопоставлений и, конечно, само понятие антонимии.

В определении Н.М. Шанского и В.В. Иванова, антонимами названы слова «разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия». (Шанский, Иванов, 1987:141). В данном толковании важным семантическим ограничением представляется соотносительность значений антонимов.

Большая советская энциклопедия ограничивает антонимы следующими параметрами: 1) бывают только у слов, в значении которых содержится указание на качество; 2) являются разнокорневыми словами. Последнее свойство подчёркивает и Д.Н. Шмелёв, который полагает, что антонимия – не противоположение, которое может быть выражено прибавлением отрицания (*белый – небелый*, *злить – не злить*), а противопоставление лексем с различными корнями (*бедный – богатый*, *нервировать – успокаивать*) (Шмелёв, 1977: 202).

Так же, как в БСЭ в основе определения антонимов Л.Ю. Максимовым – признак качества. Однако он включает в это понятие и однокоренные слова,

выражающие антонимические отношения при помощи приставок (не- и др.) (Максимов, 1958).

Однако, признак качественности сужает и ограничивает понятие антонимии. «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой предлагает следующее определение: 1. Антонимы – это слова, имеющие в своём значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению. Например: *хороший – плохой, близкий – далёкий, добрый – злой*, а также 2. слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные (брат - сестра), как обозначающие противоположно направленные действия (уходить – приходить) и т.п.

В данной работе мы будем придерживаться последнего определения, считая антонимами слова, которые служат для обозначения противоположных односущностных явлений.

Функции антонимов очень разнообразны: они являются образным, оценочным выражением мыслей, эмоций и воли человека; выполняют важнейшие стилистические задачи – широко используются в особых фигурах речи, реализуя эстетическую функцию языка. Так, на антонимии основывается антитеза – одна из самых распространённых фигур художественной речи.

Но наиболее интересным является вопрос взаимодействия антонимов и синонимов. А.М. Пешковский писал: «Ничто так не помогает выявить разницу между синонимами, как подбирание к ним антонимов, слов с противоположным значением» (Пешковский, 1959:175).

П.Н. Денисов называет в одной линейной последовательности с различными видами системных объединений (семантическое поле, ЛСГ, ситуативная группа, родовидовая группа и др.) «синонимический ряд» и «антонимическую пару». Интересно его замечание о том, что «частным случаем синонимических отношений между словами можно считать антонимию» (Денисов, 1980:101). Так, можно утверждать, что взаимосвязь

синонимов и антонимов предельно глубока и заложена в лексической системе, что объясняет сходство между данными лексическими категориями: входят в одну лексико-грамматическая категория, способную образовывать микроструктуры.

В нашей работе под антонимо-синонимическим блоком (АСБ) мы понимаем «структурное образование, внутренняя организация которого обусловлена наличием объединительных и различительных семантических признаков» (Старовойтова, 2009). АСБ являются частью какой-либо лексико-семантической группы, имеющий объединяющий семантический признак, ядро и периферию. Именно потому, что рассмотрение лексики в таких блоках позволяет представить её в более полном виде, демонстрирующем смысловые и стилистические оттенки тех или иных компонентов, АСБ имеют большое значение для данной работы. Описание синонимов и антонимов в тесной связи друг с другом способствует лучшей систематизации слов, находящихся в данных отношениях, кроме того, способствуют их лучшему запоминанию в иностранной аудитории.

1.3. Лексико-семантическая группа как одно из проявлений лексической системности

Теоретическая и практическая значимость ЛСГ послужила причиной написания большого количества научных трудов. Данным вопросом занимались Э.В. Кузнецова, В.Г. Гак, И.П. Слесарева, В.Н. Вагнер, П.Н. Денисов, Е.И. Зиновьева, Л.Г. Бабенко и др.

Обратимся к определению ЛСГ. Как правило, под ЛСГ понимается языковая и психологическая реальность, принципиально вычленимое объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловых отношений – отношений смысловой близости по синонимическому типу (Слесарева, 1990:52).

Важно отметить, что «отношения смысловой близости по синонимическому типу» понимаются у И.П. Слесаревой в данном случае условно. Здесь имеются в виду и отношения синонимии, гипонимии,

гиперонимии, и другие отношения, которые не подходят ни под один из названных типов, но в них есть частичные смысловые пересечения, общие парадигматические семы. Антонимы также входят в ЛСГ, хотя они присутствуют далеко не во всех группах. Не может быть антонимов, например, в группе терминов родства, названия растений и мн. др. (Слесарева, 1990:53). Толкование, данное И.П. Слесаревой, подчёркивает языковую и психологическую реальность ЛСГ, принципиальную возможность вычленения ее компонентов.

Э.В. Кузнецова, работы которой заложили основу исследований в данной области, отмечает, что ЛСГ являются самым важным с точки зрения лексической системы типом классов слов. В ЛСГ объединены слова одной части речи, для которых помимо общих грамматических сем есть еще хотя бы одна объединяющая сема – категориально-лексическая (архисема, классема). (Кузнецова, 1989:73). Это обстоятельство подчеркивается и другими учеными. Например: «ЛСГ - слова одной части речи, объединенные ядерной (основной) семой (например, ЛСГ глаголов движения, цветовых прилагательных и т.п.)» (Жере било, 2010:137).

В значениях глаголов одной ЛСГ выделяются не менее трёх общих сем: **категориально-лексическая**, **категориально-грамматическая** и **разрядная** (лексико-грамматическая). Категориально-лексические семы не имеют формальных средств выражения, что отличает их от грамматических сем, но они имеют достаточно общий характер, поэтому есть основание относить их к сфере «скрытой грамматики» (Кузнецова, 1989:73). Чем больше в словах общих сем, тем органичнее состав группы. Максимальный случай совпадения семного состава слов представлен в минимальных группах – синонимических рядах. При этом внутри ЛСГ выделяются типовые уточняющие дифференциальные компоненты. Таким образом, в каждой отдельной лексико-семантической группе выделяются свои, специфические дифференциальные семы (Кузнецова, 1989:73).

В связи с тем, что иногда ЛСГ могут совпадать с тематической группой (ЛТГ) (например, в данном ряде слов: *город – пригород – предместье – селение – поселение – посёлок – село* и т.д.) остановимся кратко на разнице между данными лексическими объединениями. На возможность совпадения ЛСГ и ЛТГ обращали внимание, в частности, П.Н. Денисов (Денисов: 1980:128) и Ф.П. Филин. Так, Ф.П. Филин отмечает, что ЛСГ трудно отделимы от тематических групп, часто являются её частью (Цит. по: Слесарева, 1990:51).

Как правило, ЛСГ и ЛТГ разделяют на основе отделения языкового и внеязыкового в пределах парадигматической группировки слов. П.Н. Денисов утверждает, что для ЛСГ важна принадлежность слов к одной части речи и наличие у них близких или сопоставимых значений. Тематические же группы основываются на классификации самих предметов и явлений и могут включать в себя слова разной частеречной принадлежности. В то же время ядро тематических групп состоит из имён существительных, например, состоящих в отношениях часть – целое, предмет – его функция, или же переходящих в родо-видовые отношения (Денисов: 1980:128). Заметим, что в ЛСГ включаются не только лексические единицы, но и формируемые ими словосочетания (Вагнер, 2009:63).

Исходя из сказанного, можно заключить, что, несмотря на важность разграничения различных словесных объединений, ЛСГ всё же не противопоставляются тематическим, т.к. могут совпадать с ЛТГ, а могут быть их частью.

В основе **структуры ЛСГ** лежит тот же принцип, что и в основе структуры поля, т.е. в ней принято выделять ядро и периферию. Ядро, составляющее центр ЛСГ, включает стилистически-нейтральные слова и единицы, наиболее общие по значению. Лексические единицы с наибольшим числом дифференциальных сем составляют периферию. Для большого количества ЛСГ характерно наличие **базового слова** или **базового синонимического ряда**, который выделяется в ядре. Их важная особенность

– специфика значений, проявляющаяся в обобщенности и малосодержательности.

Как и в случае поля, слова входят в ЛСГ не всем объёмом семантики, а лишь одним из значений. Многозначные слова могут входить в две или несколько разных ЛСГ, т.е. существует пересекаемость парадигм (Слесарева, 1990:53). К примеру, глагол *душить* значением *убивать, с силой сжимая горло* входит в ЛСГ глаголов со значением лишения жизни; этот же глагол в значении *вызывать чувство эмоциональной подавленности* включается в ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние.

В работе Е.И. Зиновьевой представлены разнообразные отношения между единицами ЛСГ, которые определяются следующими типами оппозиций и корреляций (Зиновьева, 2005):

1. **Привативная оппозиция –** противопоставление языковых единиц, при котором одна имеет дифференциальный признак, а вторая лишена его (*радовать – смешить*). Данная оппозиция отражает отношения уточнения и придаёт структуре ЛСГ вид **многоступенчатой иерархической системы** (Кузнецова: 1989:78).

2. **Корреляция тождества (синонимическая позиция) –** это позиция, в которой лексические единицы образуют синонимический ряд, микрогруппу внутри определённой ЛСГ (*бесить – раздражать*).

3. **Эквиполентная оппозиция –** противопоставление, при котором два члена находятся в равных условиях по отношению в третьему (*унижать и беспокоить* по отношению к *расстраивать*). Отсутствует конкуренция, тождество, сильная или слабая позиция маркированного и немаркированного членов.

Данная информация позволит нам в дальнейшем установить отношения, существующие между глаголами ЛСГ приведения в эмоциональное состояние.

Рассмотрим преимущества обучения лексике посредством ЛСГ.

1.4 Лексико-семантическая группа в аспекте РКИ

Целесообразность лексико-семантической группировки языкового материала была выявлена именно в практике обучения русскому языку в иностранной аудитории. «Организующая роль системных отношений в лексике, решаемая учеными на теоретическом уровне, должна учитываться преподавателями-практиками при подготовке к любому занятию, т.к. это способствует экономии времени на каждом уроке и оптимизирует усвоение лексического материала при всех видах аспектного или комплексного преподавания» (Шахматова 2000: 228 – 229). Одно из преимуществ ЛСГ – это существующая связь между семантической общностью ее членов и их синтагматическими свойствами. Наличие типовой модели сочетаемости обеспечивает системный ввод лексики, что позволяет учащимся осознать не только семантическую общность компонентов, но и их дифференцированность.

Так, например, большинству глаголов приведения в эмоциональное состояние присуща следующая модель: **Им.п. одуш. имени + глаг. + В.п. одуш. имени** (*утешать сестру, маму, друга; развлекать публику; осчастливливать нас; раздражать больного)*. При этом фиксируются случаи отклонения от типовой модели. Например, глаголы *доставлять, причинять* управляют одновременно винительным и дательным падежами (*доставлять огорчения маме, причинять беспокойство соседям*).

Следует упомянуть, что ЛСГ обеспечивает также разностилевое представление лексического материала. Такое представление лексики способствует более правильному её употреблению в речи иностранных учащихся, помогает предотвратить случаи перенесения лексики из одного стиля, например, официально-делового, в другие стили речи. С другой стороны, расширяются коммуникативные возможности говорящего в плане выражения одной и той же ситуации в различных стилевых регистрах. Например, среди ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояния

представлен просторечный глагол *доканывать* и его нейтральный эквивалент *утомлять*; разговорный глагол *донимать* и его синоним *надоедать*.

Однако, не смотря на то, что лексика, представленная в системе, усваивается быстрее и легче, чем единичный объект, не следует давать иноязычным студентам ЛСГ во всём их объёме. Здесь преподаватель должен учитывать уровень подготовки учащихся. На ранних этапах обучения определённые ЛСГ даются не полностью. Упор делается на частотность употребления и, конечно, принцип системности (Вагнер, 2006:70-71). В случае учёта всех связей происходит не механическое заучивание, а осознанное запоминание, что важно при работе с иностранными студентами.

Включение в ЛСГ не только лексических единиц, но и формируемых ими словосочетаний, позволяет решить проблемы, которые могут возникнуть у учащихся в связи с межъязыковыми несоответствиями. Ошибки могут быть вызваны разным объёмом значений лексической единицы в изучаемом и родном языках. Кроме того, лексические единицы русского и исходного языков могут не являться полными эквивалентами. Причиной этого является национально-языковая специфика разных языковых коллективов. Например: большая или меньшая дифференциация понятий (*луна, месяц - moon*); наличие или отсутствие обобщающего (родового) понятия (*обувь – ботинок, ботинки* и *shoes – shoe/s*); различное распределение элементов смыслов (*говорить, сказать, разговаривать, рассказывать - to speak, to tell, to say, to talk*); разное восприятие множественности и собирательности (*горох, горошина, горошины - peas, pea, peas)* (Вагнер, 2006:65-66). Именно поэтому в области изучения ЛСГ может быть важен сопоставительный подход, который позволяет установить ряд лексических микротем, необходимых только для определённых языков.

Существуют пособия по грамматике, ориентированные на изучение ЛСГ в аспекте РКИ. В наибольшей степени они описывают и интерпретируют глаголы, особое место среди которых уделяется одной ЛСГ – глаголам движения.

Рассмотрим некоторые из данных пособий подробнее:

Пособие Л.С. Муравьевой «Глаголы движения в русском языке» адресовано учащимся основного этапа обучения. Оно состоит из двух частей. Первую часть составляют разнообразные языковые, речевые, ситуативные упражнения по следующим темам: лексическое значение глаголов движения, глаголы движения без приставок, повторительные упражнения, глаголы движения с приставками. Вторая часть представляет собой серию адаптированных художественных текстов для наблюдения и пересказа, а также серию рисунков для составления самостоятельных высказываний или рассказов. Также пособие содержит вспомогательные таблицы с особенностями изменения, ударения, видообразования, префиксации глаголов движения.

Пособие Л.П. Юдиной, Г.А. Битехтиной «Устные тренировочные упражнения по теме «Глаголы движения» может использоваться как дополнительный материал к основным учебникам, а также для работы на курсах и семинарах. Материалы, представленные здесь, служат для выработки навыков употребления глаголов движения в определённых речевых ситуациях. Присутствует методический комментарий, адресованный преподавателю, он составлен с учётом типичных ошибок и содержит конкретные рекомендации по конкретным случаям.

Также по данной теме известны другие пособия: пособие Л.П. Юдиной «Идти или ходить? Глаголы движения в русском языке», комплекс учебный пособий «Отправляемся в путь», пособие Г.А. Битехтиной и Л.П. Юдиной «Система работы по теме «Глаголы движения» и другие.

Помимо ЛСГ глаголов движения представлены в учебных комплексах и пособиях и другие группы. Так, например, в пособии С.Н. Меерзон, С.Л. Пятецкой «Русские глаголы в речи» представлены семь ЛСГ: **глаголы речи, мысли, чувств, стремления, выполнения, деятельности, получения.**

Что касается ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние, на настоящий момент методических разработок для работы с данной группой в иностранной аудитории не представлено.

Как следует из сказанного выше, ЛСГ связывается в первую очередь с глагольной лексикой. Обратимся к рассмотрению данной части речи.

1.5 Глагол в аспекте вербоцентрической теории

Академик В. Виноградов, рассматривая место глагола среди других частей речи, писал, что это самая сложная и ёмкая грамматическая категория русского языка, а глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения (Виноградов, 1986:349).

Глагол – часть речи, а) обозначающая действие или состояние как процесс (семантический признак); б) выражающая это значение при помощи категорий вида, залога, времени, лица, наклонения (морфологический признак); в) выполняющая в предложении в основном функцию сказуемого (синтаксический признак) (Розенталь, 1985:215). Лингвистические концепции, описывающие синтаксическую структуру предложения, сходятся на том, что все элементы в предложении расположены на разных уровнях, то есть синтаксическая структура предложения иерархична.

Согласно **вербоцентрической теории,** доминирующая роль в данной структуре отводится глаголу-сказуемому. Несмотря на то, что данный тезис не является общепризнанным, применительно к русскому языку он был воспринят многими учеными и оказал большое влияние на современную грамматическую традицию. Этой точки зрения придерживались такие ученые, как А.А. Дмитриевский, А.А. Холодович, В.В. Виноградов, С.Д. Кацнельсон и др.

Идея вербоцентрического строения предложения в России впервые была сформулирована во второй половине XIX в. А.А. Дмитриевским. Он отвергал господствующую теорию о равноправии подлежащего и сказуемого в предложении и писал: «Не два главных члена в предложении, а только один. Сказуемое есть неограниченный властелин, царь предложения, если есть в

предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение; если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение» (Дмитриевский, 1877:22-23). Новый этап развития и широкое распространение эта теория получила развитие в работе Л. Теньера «Структурный синтаксис» (Теньер, 1988).

С точки зрения рассматриваемой концепции, глагол признается организующим центром предложения / фразы, который устанавливает отношения между зависимыми от него субстанциями – подлежащим, дополнениями, обстоятельствами. Вместе со своими основными распространителями (их обычно не больше двух), глагол в личной форме образует ядерную синтаксическую конструкцию (*Я упал, Я открыл дверь*). Далее в подобную конструкцию могут быть включены другие синтаксические распространители (*Я написал письмо Пете*) (Храковский, URL: http://www.ruslang.ru/) . Способность глагола подчинять определенные предложные и предложно-падежные формы связывают понятием **управления**.

В современной науке о языке нет единой точки зрения, касающейся определения объёма явлений, относящихся к управлению (см. об этом: Скобликова, 2005). Существует узкое и широкое понимание управления.

Узкое понимание представлено в работах А.М. Пешковского, М.Д. Лесника, В.П. Малащенко, Е.П. Кржижковой, Г.А. Золотовой и др. У разных авторов, придерживающихся узкого понимания, классификации, ограничивающие или дифференцирующие понятие управления, варьируются. Однако пересмотр границ управления обычно проводится с учётом степени необходимой зависимости управляемых словоформ от господствующего слова.

Другими словами, управление видится в данном случае только там, где употребление падежа существительного вызывается или лексическим значением, или грамматическими особенностями господствующего слова.

Если же данное условие нарушается, то управления нет, а есть падежное примыкание. С данных позиций, например, конструкции типа *въехал в деревню, ехал в деревню* – это управление, так как лексическое значение глаголов движения требует уточнителей направления. Сочетание же *плаваю с братом* является падежным примыканием, поскольку лексическое значение глагола не требует формы *с братом*. В случае *ссорюсь с братом* – вновь управление, поскольку данный глагол предполагает указание на второго производителя действия (Скобликова, 2005:13).

Более традиционным является **широкое понимание управления** (К.И. Былинский, М.А. Шапиро, И.Я. Нейман, А.И. Смирницкий, А.Н. Гвоздев и др.). В данном случае в определении подчёркивается то общее, что характеризует синтаксическое использование всех подчинённых падежных и предложно-падежных форм, а также выражение ими определённых смысловых отношений между господствующим и зависимым словами. Так, с точки зрения С.И. Абакумова, «управление является почти всегда средством передачи в акте общения определённых значений. Например, в выражениях *писать письмо, писать карандашом* и *писать брату* различные падежи служат не просто средством «подчинения» одного слова другому, а создают различные значения.

Несмотря на то, что при управлении часто наблюдается взаимодействие семантики подчинённого слова с лексическим значением управляющего, всё же словосочетания формируются в зависимости от коммуникативной направленности всего предложения. Формирование словосочетания главным образом обуславливается потребностью передать определённое соотношение с предметом. На основании этого управление можно определить как употребление подчинённого слова в косвенном падеже для передачи определённых значений» (Абакумов, 1942:122).

В словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой мы находим следующее определение, опирающееся на **широкое понимание** данного явления: **управление –** вид подчинительной связи, при

котором зависимое слово (имя существительное, местоимение или субстантивированное слово) ставится в определённой падежной форме (без предлога или с предлогом), обусловленной лексико-грамматическим значением господствующего слова или смыслом высказывания (Розенталь, 1985: 109).

Авторы словаря также дифференцируют виды управления. В зависимости от характера связи они различают управление сильное (*интересоваться политикой, нарушение правил* и др.) и слабое (ср.: *Солнце закатилось за лесом* и *Солнце закатилось*). В зависимости от наличия или отсутствия предлога перед зависимым словом – управление беспредложное и предложное. А также в зависимости от морфологической природы господствующего слова: управление глагольное (*ловить рыбу*), приадъективное *(довольный ответом*), принаречное *(сделать не хуже других*), присубстантивное (*составление проекта*).

В некоторых работах отмечается, что в роли необходимых уточнителей могут быть не только падежные или предложно-падежные формы. Также в этой функции могут употребляться:

1) инфинитив: *пытаюсь не обидеть, могу, должен огорчить, перестал нервировать;*

2) предикативные единицы – придаточные предложения и «прямая речь» при глаголах речи, мысли, восприятия, чувства: *огорчало, что отпуск закончился; нервировало, что…; обескураживал: «Это вас не должно заботить!»* и т.д.;

3) наречия (реже): *возмущает сильно, досаждал безумно, обижается слегка* (Скобликова, 2005:45).

В настоящей работе мы будем придерживаться **узкого** понимания управления, представленного в РГ-80. Ещё В.В. Виноградов отмечал, что «не все формы зависимости слов, подводимые под понятие управления, равностепенны» (РГ, 1980:26). Эти идеи были развиты Н.Ю.Шведовой в

академических грамматиках. Определение данной синтаксической связи в Русской грамматике 1980 г. сформулировано следующим образом:

Управление – это подчинительная связь, которая выражается присоединением к главенствующему слову существительного в форме косвенного падежа (без предлога или с предлогом) и означает отношения восполняющие или объектные либо контаминированные: объектно-восполняющие или объектно-определительные (*стать рабочим, поступить ученики, нарваться на неприятность, забежать за ограду;* объектно определительные: *работать топором (чем? И как?), приехать за вещами (зачем? И за чем?))*(РГ, 1980:21). В данном случае в характеристику управления как вида синтаксической связи входит указание на синтаксические отношения между компонентами словосочетания.

Законы управления нередко вызывают трудности и требуют пристального изучения при усвоении русского языка иностранными учащимися. По этой причине в лингвистической и методической литературе изучению словосочетаний, организуемых посредством управления, уделяется большое внимание. В настоящее время описаны важнейшие разновидности падежных и предложно-падежных конструкций, закономерности их семантической и синтаксической сочетаемости. Так, например, приглагольным падежным формам посвящены главы в пособии Т.А. Ивановой «Имя существительное в аспекте РКИ» (Иванова, 2003).

Важное место среди глагольных ЛСГ занимают глаголы, описывающие ситуации, связанные с выражением эмоциональных переживаний и состояний человека. Обратимся к рассмотрению эмоций.

2. Лексические средства описания эмоций

2.1 Понятие эмоции. Положительные и отрицательные эмоции

Эмоциональная система является одной из самых сложных. Она задействует такие системы человека, как восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (моторика, мимика и т.п.) и речь.

Всё, что связано с чувствами и эмоциями, попадает на стык многих наук и областей знаний. Это анатомия, нейрофизиология, психология, психиатрия, социология, лингвистика. Интерес к эмоциональной стороне человеческой психики возникает даже у представителей творческой среды: именно эмоции влияют на восприятие и создание тех или иных произведений искусства, или же та или иная эмоция является целью художника.

Актуальность последней задачи проявилась в создании Алексеем Сергиенко интерактивного Музея эмоций в Санкт-Петербурге, залы и экспонаты которого воздействуют на посетителя, заставляя погрузиться в определённое эмоциональное состояние: *гнев, позитивное удивление, отвращение, влюблённость, страх, радость, вдохновение.* Инсталляции музея доказывают, что эмоции не только могут быть вызваны намеренно, но и быстро сменяться в зависимости от визуального окружения, тактильных, вкусовых, и слуховых ощущений запахов и других особенностей среды.

Однако в связи со сложностью и неоднородностью такого явления, как эмоции, до середины 70-ых годов вопросы языковой концептуализции, вербализации и категоризации эмоций не освещались ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике.

Лексика, описывающая человека, и все, что с ним связано, является одним из наиболее важных участков русского языка. С тех пор, как в разных научных отраслях стал зарождаться антропоцентризм, языковеды не могли обходить сферу эмоций, являющуюся «самым человеческим фактором в языке» (Шаховский, 2008: URL: http://tverlingua.ru/). Рассмотрению лингвистического аспекта эмоций посвящены труды Д.А. Буслаева, Л.М. Васильева, В.С. Лысенко, С.Н. Родяевой, Н.И. Шапиловой, А.Н. Шрамма, Ю. А. Кузнецов и др. В связи с тем, что темой нашего исследования являются глаголы приведения в эмоциональное состояние, необходимо рассмотреть вопрос о том, что мы понимаем под термином *эмоции*. Несмотря на значительное количество работ в данной области и очевидную реальность эмоций в нашей жизни, общепризнанного точного определения для них всё

ещё не существует. Специалисты считают, что дать исчёрпывающее определение эмоциям крайне трудно из-за достаточной субъективности многих компонентов данного явления.

Для того, чтобы дать определение данному термину, мы обратились к четырём разным источникам: Малому академическому словарю (МАС), Новой философской энциклопедии 2010г. и Толковому словарю психиатрических терминов В.М. Блейхера, И.В. Крука, а также к определению, данному в Большой Советской Энциклопедии.

В МАС толкование даётся кратко, с помощью синонимов и примера: *Эмоция* – чувство, переживание человека. *Наслаждение эмоциями ужаса, страдания, отчаяния никогда не было и не могло быть героическим выражением здоровой, мощной полноты существования.* Вересаев, Аполлон и Дионис (МАС, 1957:676).

В Новой философской энциклопедии толкование дано более развернуто: отмечается отнесённость эмоций к классу психических состояний и процессов, указывается, что эмоции выражаются в форме «пристрастного переживания» относительно отражаемых предметов и служат «для удовлетворения потребностей живого существа». Важно так же указание на то, что эмоции сопровождают любые проявления активности субъекта (Новая философская энциклопедия, 2010:436).

Из данных Словаря психиатрических терминов следует, что эмоции – это не только переживание отношения к объективной действительности, но и «к самому себе, удовлетворённость или неудовлетворённость собственными действиями». Эмоции могут быть разного уровня и сложности (биологические, связанные с удовлетворением естественных потребностей, и высшие, отвечающие за духовные потребности). Кроме того, эмоции делятся на положительные и отрицательные (Толковый словарь психиатрических терминов, 1995:381).

В Большой Советской Энциклопедии эмоции определяются как «субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и

внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия и неудовольствия, радости, страха и т.д.», отмечается, что они сопровождают практически любые проявления жизнедеятельности организма, в форме непосредственного переживания отражают значимость явления. А также эмоции «служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей» (БСЭ, 1978:169).

В нейробиологической трактовке эмоций большое значение сыграла биологическая теория эмоций П.К. Анохина, согласно которой эмоции представляют собой «физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения» (Анохин, 1964, с.339 цит. по Вартанян, Петров, 1989:13).

Появившаяся в 90-ые гг. прошлого века и активно развивающаяся наука лингвокультурология также активно занялась данным вопросом. Эта наука подходит к изучению человеческих эмоций с позиций их взаимосвязи с языком и особенностями этнокультурного сознания его носителей. Например, изучается взаимосвязь, существующая между мотивациями и образами и тем или иным их оязыковлением. Так, рассматривая особенности русского самосознания, ученые ставят во главу именно эмоциональность – «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъявлении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» (Вежбицкая, 1996:33-34). Согласно проведенным в Гарварде исследованиям русского национального характера (Bauer, R.; Inkeles, A.; Kluckhohn, C., 1956:144) русские являются людьми «экспрессивными и эмоционально живыми», их отличает «общая экспансивность», «легкость в выражении чувств», «импульсивность»). Отражение наивных представлений об эмоциях в русском языке представляет особый аспект исследования – лингвокультурологический.

Обобщая сказанное, отметим, что эмоции – это в первую очередь переживания. Мы считаем важным также уточнение, данное в Словаре психиатрических терминов, о возможной направленности переживания на самого субъекта, а не только на окружающие его предметы, и важную роль эмоций для удовлетворения потребностей человека, отмеченную Философской энциклопедией. Отметим также способность эмоций отражать значимость окружающих явлений, повлиявших на эмоциональное состояние субъекта, указанную в БСЭ.

В процессе жизнедеятельности человека, эмоции выполняют ряд функций:

- **коммуникативная**. В действительности ее выполняют не сами эмоции, а сопровождающие их телодвижения, телесные изменения: жесты, мимика, пантомимика, модуляции голоса, покраснение, побледнение, высыхание или увлажнение кожи и др.;

- мотивационная. Проявляется в том, что эмоции могут выступать в качестве самостоятельных мотивов поведения. Они могут поддерживать активность человека на определённом уровне. Эту роль играют чувства, страсти, биологические эмоции, аффекты;

- **регулирующая.** Эта функция заключается в том, что эмоции могут устанавливать общий уровень активности человека, понижать или повышать её. Хорошее настроение повышает активность, а плохое, напротив, тормозит;

- **сигнальная.** Данная функция имеет прямое отношение к потребностям человека, служит сигналом происходящий в данный момент процессов в организме;

- **защитная.** Эмоции мобилизуют организм на преодоление препятствий, представляющих ему угрозу, предохраняют организм от перегрузок, экономя энергию, необходимую для жизни (Немов, URL: http:// all-psychology.ru).

Интересным является тот факт, что эмоции тесно связаны со знаниями. Изменение знаний, мыслей приводит к изменению эмоций человека.

Существуют подтверждения того, что эмоции меняются во времени. Можем сравнить XVIII век сентиментальности и сенсуальности с прагматичным и жестоким XX веком (Шаховский, 2008: URL: http://tverlingua.ru). Также людям разного возраста свойственно преобладание различного набора доминантных эмоций. Кроме того, колебание эмоционального состояния человека может быть обусловлено его национально-культурной принадлежностью. Так, по наблюдениям Н.А. Красавского, русским сознанием наиболее глубоко и детально проработанными оказались эмоции группы «печали» (*грусть, тоска, скука, уныние* и др.). У этой группы наблюдаются многочисленные специфические ассоциативно-образные признаки: понятие тяжести (*тяжёлая тоска, тоска сжимает),* цвета *(тоска зелёная)*, вкуса (*сладкая тоска*), физического поглощения человека эмоцией (*грусть-тоска съедает…*), безысходности (*грусть безысходная*) (Красавский, 2002:83). Эмоциональный мир носителей русского языка находит отражение:

1. в наличии антропоморфных образов (т.е. в случаях, когда эмоции сравниваются с действиями человека, часто с активными: *схватить, напасть, одолеть*);

2. в том, что эмоции осмысляются архетипическими образами (*холод, огонь, море*), так как «архетип – один из самых древних образных способов познания мира»;

3. а также в использовании названий эмоций вместе с глаголами, что обусловлено динамизмом их семантики (*охватил восторг, надежда овладела (сердцем), грусть накатила, страх замучил*) (Там же, 2002:83-84).

Однако в целом, эмоции универсальны и узнаваемы во всех культурах. Причина тому в биологических основах возникновения эмоционального состояния человека.

Как отмечалось выше, в лингвистике XX века изучение эмоций занимало незначительное место, так как считалось, что язык ставит во главу когнитивную функцию и служит для передачи актуальной информации. Данной точки зрения придерживались К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом. Но

эмоции занимают важное место в жизни человека, поскольку жизнь человека не может не сопровождаться чувствованиями, желаниями, переживаниями, а значит, эмоциональная составляющая языка не может игнорироваться исследователями (Шаховский, 2008: URL: http://tverlingua.ru).

В современной науке существуют различные теории, отражающие биологические основы эмоций. Авторы придерживаются различных взглядов касательно биологических процессов возникновения эмоций, но многие теории поддерживают постулат о наличии в природе небольшого количества фундаментальных эмоций, образующих основную мотивационную систему нашего существования. Так, авторы теории «дифференциальных эмоций» С.С. Томкинс и К, Изард выделяют десять основных видов: интерес, удовольствие, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. Затем эти фундаментальные эмоции находят выход в различных внешних проявлениях переживаний, так как эмоции обладают способностью взаимодействовать между собой – одна активирует, усиливает или, напротив, ослабляет другую (Вартанян, Петров, 1989:10).

Десять основных видов называются **базисными** или **первичными** эмоциями, биологически обусловленными и являющимися неотъемлемой частью естественных человеческих потребностей (там же, 1989:130). Они свойственные не только человеку, но и животным. Например, собака, которая при виде хозяина бросается к нему, прыгает, виляет хвостом, *радуется* именно в том значении, в каком мы понимаем и по отношению к человеку (Апресян, 1995:53). Но неоднородность рассматриваемого явления заключается в появлении в ходе эволюции **вторичных** эмоций. Под ними подразумеваются комбинации двух или нескольких первичных эмоций, например, к базовым эмоциям типа гнева или страха добавляются сожаление, тоска, ревность и т.д. Они значительно многообразней, чем первичные. При попытках классификации этой группы учёные всегда сталкиваются с практическими непреодолимыми трудностями, которые вызваны субъективным разнообразием трактовок словесного выражения эмоций. Но

не вызывает споров их деление на **положительные** и **отрицательные** (Вартанян, Петров, 1989:10).

По функциональной природе различают *способы выражения* и *способы описания* эмоций. Для *выражения* эмоций используются эмоционально окрашенные слова, они отвечают за экспрессивную и прагматическую функции (междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные, восклицания, инвективы и т.п.), которые в эмоциональном типе коммуникации «несут (выражают) вершинные смыслы» (Шаховский, 2008: URL: http://tverlingua.ru). «Чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен; чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет» (Ш. Балли, 1977, цит. по Шаховский: URL: http://tverlingua.ru). Это означает, что *описание* эмоций сориентировано исключительно на их называние эмоций, объективизацию в языке, то есть выполняется номинативная функция.

Поскольку и те, и другие лексические единицы отображают эмоции человека, Л.Г. Бабенко предлагает относить совокупность лексических средства обоих явлений к эмотивной лексике (Бабенко, 1989:14).

2.2 Способы языкового описания положительных и отрицательных эмоций

Как отмечалось выше, человеческие эмоции делятся на две большие группы - положительные и отрицательные. Так как люди стремятся к положительным эмоциям и пытаются избегать отрицательных, каждый может выделить доминирующую основу эмоции – приятная она, или неприятная. И только наиболее сложные могут описываться как амбивалетные, двойственные, приятно-неприятные. При этом следует отметить взаимосвязь положительных и отрицательных видов эмоций: положительные состояния зачастую являются результатом ослабления или прекращения отрицательных, например, когда они связаны с завершением какого-либо мучительного состояния (Там же, 1989:15).

Положительные и отрицательные эмоции могут приближаться к нулю, «как бы перескакивая через него, и создают текущий интегрированный эмоциональный фон». То есть, на шкале эмоций: «+», «0», « - » - «нуль представляется как относительный параметр, которого в реальности не существует» (там же, 1989:15). По этой причине помимо положительных и отрицательных состояний отмечается «нулевое» или «полностью индифферентное». В нашем случае, к «нулевому» можно отнести *безразличие*, т.к. не устанавливается, какие чувства – положительные или отрицательные – испытывает человек в данном состоянии. Кроме того, некоторые эмоции могут одинаково тяготеть как к плюсу, так и к минусу. Например, положительный или отрицательный характер *любопытства, удивления* или *изумления* устанавливается по контексту.

Рассматривая эмотивную лексику разных языков, можно обнаружить, что лексем с отрицательной оценкой больше, чем слов с положительной (Шаховский, 2008: URL: http://tverlingua.ru). Однако, несмотря на больший объём существования, их употребление при общении обычно реже, чем употребление эмотивов с положительным значением. Это должно объясняться психологическим стремлением человечества к позитивности либо к утаиванию личных переживаний.

При описании существующих эмоций важным является их разделение на **более стихийные** (те, в которых преобладает чувство) и **менее стихийные** (преобладание интеллектуальной оценки). К более стихийным эмоциям относятся *страх, паника, ужас, зависть, ревность*. Интересно, что в обыденном представлении они представляются как некая враждебная сила, что отражается в языке. Это могут проиллюстрировать следующие примеры: *Страх овладевает человеком. Страх заползает в душу. Зависть пожирает человека. Ревность грызёт его.* Чем меньше в эмоции доля оценки, чем больше доля стихийного чувства, тем большая вероятность описания данной эмоции с помощью сочетания с подобными глаголами. *Изумление,* например,

не может охватывать, так как это достаточно рациональное чувство (Апресян, 1995:52-53).

К тому же, для вербальной передачи эмоциональных состояний важно то, что они имеют отличия **по интенсивности переживания**: более и менее слабые. В русском языке можно составить шкалу интенсивности только для эмоций, называющих большую степень интенсивности (*изумление, восторг, ликование, ненависть, ужас, горе, ярость*) и норму интенсивности (*удивление, радость, страх, грусть, злость*). В то время как слабых эмоций по интенсивности в нашей языковой картине не наблюдается. Все лексические средства описания сильных эмоций могут сочетаться с прилагательными со значением полной или предельной степени признака: *слепая ярость, невыразимый ужас, полный восторг* и т.п. (там же, 1995:54). Или с наречиями: *испугать до смерти, крайне взволновать, безумно обрадовать* и др.

Однако, интересный факт отмечает Т.Г. Винокур. По мнению исследовательницы, в контекстном окружении насыщенных экспрессивных оценок (например, ужасно, безобразно, чудовищно и т.п.) более весомым и убедительным для слушающего может по контрасту оказаться употребление нейтральной оценки: плохо. Такая же реакция собеседника наблюдается на нейтральную оценку хорошо. Подобные случаи указывают на сложившееся в языке типизировано-негативное отношение к словам с высокой степенью эмоционального наполнения (Винокур, 2009:12).

При описании эмоциональных состояний в языке находят своё отражение пять фаз, выделяемых в развитии эмоций:

1) **первопричина эмоции** – физическое или ментальное восприятия какого-либо положения вещей. Вызывать те или иные эмоции может то, что субъект воспринимает или воспринимал на собственном опыте, либо факты, полученные из какого-либо источника (например, террор в Сирии). Глаголы *любоваться, засмотреться, заглядеться* предполагают непосредственное зрительное восприятие объекта в момент эмоционального переживания;

2) **непосредственная причина эмоций** – интеллектуальная оценка данного положения вещей как желательного, неожиданного или нежелательного для субъекта, а также вероятность или неожиданность данного исхода. Личная оценка каких-либо событий – и есть причина возникновения отрицательных или положительных эмоций (*ненависти, возмущения, отчаяния; радости, счастья, любви, восхищения и т.п.*). Разумеется, внутри каждого класса существует более тонкая и разветвлённая дифференциация причин. Отметим также, эмоции могут возникнуть из-за оценки субъектом собственной деятельности. Например, *торжествовать* отличается от *радоваться* тем, что обозначает радость по поводу успешных действий субъекта, а радоваться можно любому событию, в том числе такому, к которому сам субъект отношения не имеет. В синонимическом ряду *грустить, печалиться, сокрушаться*, глагол *сокрушаться* отличается тем, что обозначает расстройство по поводу собственных не вполне удачных действий;

3) **собственно эмоция**, или состояние души после восприятия или созерцания человеком положения вещей, и его интеллектуальная оценка происходящего. Собственно эмоцию обозначают как ‘положительное эмоциональное состояние’ и ‘отрицательное эмоциональное состояние’.

Отмечается, что существуют значительные отличия не только между отрицательными и положительными состояниями, но и внутри и каждой из подгрупп эмоции будут сильно дифференцированы. При ненависти человек испытывает чувство, отличное от чувства, испытываемого при состоянии страха или тоски. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка подобные случаи дифференцированы с помощью метафор телесных состояний (Новый объяснительный словарь, 2004). Приведём пример. Чувство отвращения можно сравнить с неприятными физическими ощущениями человека, когда на него воздействует отталкивающий вкус или запах. Радость же сравнивают со светом, теплом;

4) **обусловленное той или иной интеллектуальной оценкой или собственно эмоцией продлить или пресечь существование причины**, которая вызывает эмоцию. В состоянии страха субъект заинтересован в скорейшем прекращении воздействия какого-то фактора, он готов спрятаться, уменьшиться (*съёжиться, сжаться от страха*). В состоянии радости субъект стремится к как можно более длительному действию положительного фактора, поэтому он словно вырастает (*распирает от радости, раздувается от гордости)*;

5) **внешнее проявление эмоции**. Оно имеет две основные формы: а) неконтролируемые физиологические реакции тела на причину возникновения эмоции; такие как расширение глаз при удивлении, бледность при страхе, покраснение при стыде и т.п.; б) контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на то, что вызывало эмоцию. Например, отступление при страхе, наступление при гневе, восклицание в случае ликования и т.п. (Апресян, 1995:53).

Выделенные фазы помогают разграничить особенности проявления похожих эмоций, выделить специфические черты каждой в зависимости от условий, причин, а также разницы внешнего проявления.

Одним из основных способов описания эмоций является глагольная лексика. С точки зрения Ю. Д. Апресяна, к базовой лексике, описывающей положительные и отрицательные эмоции относятся глагольные синонимические ряды (*беспокоиться, бояться, сердиться; вдохновлять, воодушевлять, обнадёживать* и многие другие); а также ряды соответствующих существительных, прилагательных и наречий (*беспокойство, тревожно, зол, в тревоге, боязно, с воодушевлением, весело, бодро*).

Важное место в ряду глагольных средств описания эмоций занимает ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние, к анализу которых мы обратимся во второй главе данной работы.

Выводы

Лексика любого языка – это система взаимосвязанных единиц одного уровня, которые обладают внутренними отношениями и могут быть представлены в виде разнообразных смысловых отношений, представляющих из себя сложную иерархическую систему.

Одним из наиболее ярких проявлений системности лексики является возможность её последовательного описания путём распределения языковых единиц по семантическим полям. Различные словесные объединения могут входить в лексические, лексико-семантические, семантические, тематические, идеографические, понятийные, словесные, языковые и др. поля и группы. Семантическим микрополем являются ЛСГ – класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (компоненты) и типовые уточняющие дифференциальные компоненты, а также характеризующиеся высоким схематизмом сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» (Кузнецова, 1989:72).

Особую ценность ЛСГ представляют в практике изучения РКИ. Смысловая близость единиц одной ЛСГ обеспечивает их смысловое тождество, что выражается в наличии типовой модели сочетаемости, способствующей запоминанию особенностей русского глагольного управления. Глагольные синонимы, антонимы, многозначные лексические единицы изучаются не как изолированные явления, а системно и взаимосвязано.

Выбор в качестве теоретический базы исследования вербоцентрической теории обусловлен главенствующем местом глагола в структуре многих, в том числе и русского, языков. Именно данная часть речи является организующим центром предложения или фразы и устанавливает отношения между зависимыми от него субстанциями.

В связи с тем, что в системе русского языка широко развито словоизменение, важную роль играет глагольное управление, т.е.

способность глагола подчинять себе те имя существительное в определенном падеже. В зависимости от того, требует ли господствующее слово употребления определённой падежной или предложно-падежной формы имени или любой из нескольких форм, разграничивается сильное и слабое управление. Изучение глагольного управления является обязательным в иностранной аудитории.

Неотъемлемой частью жизни человека являются эмоции. Они играют важную роль в нашей трудовой, бытовой, творческой деятельности. Различные эмоции могут существенно различаться своими внешними проявлениями или вообще не иметь зрительных проявлений. Яркий выход в речи, поведении, жестах присущ таким эмоциям, как *бешенство, гнев, ярость* или *счастье, ликование, восторг*; в отличие от таких эмоций, как *грусть, разочарование, спокойствие*, которые обычно сопровождаются пассивным поведением, могут не сопровождаться речевым выражением. Основным способом их языкового описания служит глагольная лексика, так как она отличается динамизмом, что важно для выражения эмоций. Изучение ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние в иностранной аудитории способствует расширению речевых возможностей иностранцев в плане передачи чувств и реакций на события окружающей действительности.

Глава II.

Функционально-семантические особенности лексико-семантической группы глаголов приведения в эмоциональное состояние

2.Типовая ситуация приведения в эмоциональное состояние и глагольные средства ее выражения

Для приведения в какое-либо эмоциональное состояние необходимо, чтобы в акте были задействованы **два участника**: **субъект**, оказывающий эмоциональное воздействие, и лицо, подвергающееся данному воздействию и испытывающее определенные негативные или положительные эмоции. Лицо, испытывающее эмоциональное воздействие, становится вторым активным участником ситуации, **адресатом**.

К. Бюлер, изучавший функции языка, писал, что в случае функционирования языка, т.е. «языка в действии», в ситуации присутствует посылающий сообщение (адресант) и принимающий сообщение (адресат). «Это репрезентирует три основных функции: сообщение, выражение и обращение» (Цит. по: Маслова, 2001:3). Так, второй участник ситуации эмоционального воздействия может быть выражен В.п. (1), Д.п. (2) или Т.п. (3), т.е. по формальным признакам восприниматься как объект или адресат передачи эмоционального воздействия: (1) *Но что меня использовали,* ***разозлило меня*** *до крайности, разъярило, и я, отпустив скороговоркой «будьте здоровы», перешёл проспект* [Анатолий Найман. Любовный интерес]; (2) *Вроде бы тот* ***ему*** *тоже чем-то* ***досаждал*** *– шумом или просто своим видом* [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени]; (3) *Хочу, чтобы всё теперь у него было нескладно, чтобы не мог он больше* ***издеваться надо мной*** *– но чтобы я мог теперь смеяться над ним* [Анастасия Черкасова. Палочки на песке].

Однако, с нашей точки зрения, вне зависимости от грамматических средств выражения, более правильно рассматривать его функции как функции **адресата** (См. об этом: Колосова, 2002:60; Химик, 2001:8)

Субъект и адресат могут выражаться одушевленными и неодушевленными существительными: 1. ***Собчак*** *был мужчина великолепный, блестящий, импозантный, обладающий необыкновенным умом, умением красиво говорить ... Понимаю, почему* ***он всех*** *так* ***раздражал****. Он резко отличался от серой масс ы депутатов-политиков* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]; 2) *Я невольно вскидываю руки к лицу: трагически-бессмысленный жест лагерника, которым* ***он*** *пытается защитить себя от ударов и только больше* **разъяряет** ***палачей***. [А.И. Степин. В круге света]; 2.*Теперь-то, конечно, чёрт его знает, что из этого покушения выйдет.* ***Абакумова*** *самого* ***сердила*** *такая* ***неповоротливость****. Но он знал своего Хозяина!* [Александр Солженицын. В круге первом]; 3. *Их сердило, что этот грубый, с глубинки* ***человек*** *относился к ним презрительно*. [Василий Гроссман. Всё течёт].

В качестве **орудия, инструмента воздействия** выступают действия субъекта, те или иные средства эмоционального воздействия (слова, жесты и др.). Например: *Не раз вспомянешь Белинского; при нем не позволили бы себе литераторы так* ***изводить клеветой*** *кого-нибудь из личной мести* [Н.П. Огарев в воспоминаниях современников. С.С. Конкин, Л.С. Конкина]

Для языкового выражения данной ситуации служат глаголы ЛСГ приведения в эмоциональное состояние: *бодрить, вдохновлять, веселить, воодушевлять, восторгать, восхищать, забавлять, печалить* и др. Как указывалось выше, основой для отбора глаголов со значением приведения в эмоциональное состояние послужил «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» под ред. Л.Г. Бабенко.

Глаголы ЛСГ со значением приведения в эмоциональное состояние по-разному отражают особенности данной ситуации. В этой связи обратимся к анализу данной ЛСГ**.**

2.1 Состав и основы классификации иследуемого материала

Глаголы приведения в эмоциональное состояние изначально входят в лексико-семантическое поле «Бытие, состояние, качество», затем – в подполе «Глаголы качественного состояния», далее выделяется самостоятельная группа «Глаголы приведения в эмоциональное состояние». В ее составе 113 единиц (Бабенко, 1999).

Данная ЛСГ логически делится на две подгруппы: глаголы выражающие ситуацию приведения в положительное эмоциональное состояние и глаголы, выражающие ситуацию приведения в отрицательное эмоциональное состояние. Также выделяется третья подгруппа, которую образуют глаголы с положительная или отрицательная окраска выражаемого ими действия зависит от сочетаемости и/или проявляется в контексте.

Первая лексико-семантическая подгруппа (ЛСПГ) составляет 28 единиц: *бодрить, вдохновлять, везти, веселить, воодушевлять, восторгать, восхищать, забавлять, задабривать, зачаровывать, интересовать обвораживать, обнадёживать, ободрять, окрылять, осчастливливать, очаровывать, приободрять, радовать, развлекать, сближать, смешить, тешить, увлекать, умилять, умиротворять, успокаивать, утешать*. Базовый идентификатор: *вызывать (вызвать) какое-либо положительное состояние*. Типовая семантика: *вызвать у кого-либо положительное эмоциональное состояние*; *приводить (привести) кого-либо в какое-либо положительное эмоциональное состояние*.

На основании анализа толкований глаголы данной подгруппы можно разделить на 2 микрогруппы.

В первую подгруппу входит 19 единиц: *везти, веселить, воодушевлять, восторгать, восхищать, забавлять, задабривать, зачаровывать, интересовать, обвораживать, ободрять, осчастливливать, сближать, смешить, тешить, увлекать, умилять, радовать, развлекать*. Они объединены интегральной семой **вызывать эмоциональное состояние/ настроение/чувство.**

Следующая, **II подгруппа**, объединённая семой **«вызывать альтернативное эмоциональное состояние»**, включает 11 глаголов: *умиротворять, успокаивать, утешать, обнадёживать, бодрить, вдохновлять, окрылять, приободрять, восторгать, воодушевлять, ободрять*.

Глаголы приведения в отрицательное эмоциональное состояние насчитывают 49 единиц.

Базовый идентификатор – *вызывать (вызвать) какое-либо отрицательное эмоциональное состояние*. Типовая семантика: *вызвать у кого-либо отрицательное эмоциональное состояние*; *приводить (привести) кого-либо в какое-либо отрицательное эмоциональное состояние*.

Основой классификации лексических единиц по типу вызываемой эмоции стала классификация, предложенная Н.Ю. Шведовой (см. «Словарь эмотивной лексики» раздел «Эмоциональное воздействие»). Выделяются следующие микрогруппы («классы» в терминологии Н.Ю. Шведовой) с отрицательным значением: *беспокойство, горе, грусть, злость, неверие, недовольство, обида, страх, стыд* (Шведова URL:http://www.lexrus.ru). А также микрогруппы с положительным значением: *вдохновение, вера, доброта, дружба, любовь, надежда, радость, спокойствие, удовольствие.*

Мы дополнили состав данной ЛСПГ лексемами из «Словаря эмотивной лексики» Н.Ю. Шведовой, «Словаря синонимов русского языка» З.Е. Александровой и «Словаря синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой: было добавлено 172 единицы с отрицательным значением. В результате в состав ЛСПГ вошло 220 лексем. Самое большое число глаголов вошло в микрогруппу «Горе» – 71 единица. Наименьшее число лексем составило микрогруппу «Неверие» – всего 3 глагола.

Ввиду ограниченного объема работы для более детального рассмотрения и анализа мы обратились к микрогруппе «Злость».

2.2 ЛСПГ глаголов выражающих ситуацию приведения в отрицательное эмоциональное состояние

Злость - это эмоция входит в число базовых и свойственна каждому человеку (Вартанян, Петров, 1989:10). Не смотря на то, что эта эмоция в нашем сознании носит негативный характер, она не только мешает человеку, выявляя отрицательные стороны личности, но и выполняет важнейшие функции, позволяющие мобилизовать возможности в сложной ситуации, пережить болезненные эмоциональные или физические ситуации.

Злость – 1. чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-либо; злоба. 2. Выражение такого чувства; гнев, бешенство. 3. Злая язвительность (Ефремова, 2000).

Приведённое выше определение указывает на то, что лексема полисемантична. В первом случае «злость» носит длительный характер, это устойчивое чувство, направленное на определённых людей, предметы или явления. Второе значение данного слова – это эмоция, которой присуще внешнее выражение, и, как правило, она кратковременна. Данной эмоции подвержены все люди, это реакция, которая может выражаться в разных формах: от лёгкого раздражения до бешенства.

Лексико-семантическая микрогруппа, выражающая ситуацию приведения в состояние злости, затрагивает как первое, так и второе значение лексической единицы «злость». Рассмотрим, как данная ситуация может быть отражена в русском языковом сознании. В результате направленной выборки нами были отобраны 16 русских глаголов, в семантике которых содержатся указания на приведения кого-либо в состояние злости: *злить, дразнить, разъярять, сердить, бесить, доканывать, доводить, раздражать, озлоблять, остервенять, издеваться, измываться, разгневать, ярить, колоть, подтравливать*. Данные глаголы объединены интегральной семой **вызывать состояние/чувство злости. Доминантой** является глагол **злить.** Как следует из анализа словарных дефиниций, эта лексема имеет самое широкое, общее значение: *Злить* -

вызывать раздражённо-враждебное чувство, желание причинить кому-л. что-л. вредное, недоброе (Бабенко, 1999:532); вызывать злость в ком-н., сердить (Ожегов, 2000:411); возбуждать злость в ком-нибудь, приводить кого-нибудь в злобное раздражение, сердить (Ефремова, 2000:495). Глагол-доминанта обладает также наиболее широкой по сравнению с другими членами группы лексической и синтаксической сочетаемостью и на основании этого может замещать практически любой из глаголов данной микрогруппы. Например:

Дразнить – злить, умышленно раздражая чем-нибудь (Ожегов, 2000:317). *Сердить* – раздражать, злить, приводить в гневное состояние (Ушаков, 1995:63).

Можно выделить типовую модель сочетаемости единиц данной микрогруппы. Типовая модель передает непосредственную направленность действия на второго участника, адресата, выраженного формой В.п.:

Субъект эмоц. воздействия (И.п. одуш.) + Глаг. + Адресат эмоц. воздействия (В.п. одуш.)

Преобладающее число глаголов реализует свои валентные связи согласно данной модели. Например:

1. ***Они*** *восхищались его логикой, знаниями, ясностью его мысли и* ***злили его*** *тем, что всё же видели в нём азиатского владыку, а не европейского лидера* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)].

Также встречаются модели:

1) **И.п.** (субъект)+**Глаг.**+ **В.п.** (адресат) + до **Р.п.** (*доводить кого до чего*). Предлог до с родительным падежом в данном случае выполняет функцию информативного восполнения (РГ, 1980:437). Например: *Всё это меня* ***радражало, нервировало, бесило и доводило до белого каления*** *– но ни в коей мере не удивляло*. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

2) **И.п.** (субъект) + **глаг.** + **В.п.** (адресат) + **Тв. п.** (орудие) (*раздражать, разгневать, бесить, успокаивать, утешать* кого чем). Роль орудия эмоционального воздействия выполняют лексемы со следующими значениями: **какое-либо поведение** или **отношение** субъекта к адресату

(*раздражать неграмотностью, бесить неуместными разговорами*). Например: *Тот же никак не мог решить, что для него опаснее:* ***разгневать отца молчанием*** *или своими словами.* [Евгений Лурье. Проклятие Мафусаила]

3) **И.п.** (субъект) + **глаг.** + **над** + **Т. п.** (*издеваться, измываться над кем*). При употреблении с творительным падежом предлог **над** усиливает значение направленности действия на адресата эмоционального воздействия (РГ, 1980:481). Например: *Да жалко вас. – А чё нас жалеть? – Постоянно* ***над вами измываются****... всю 1000 лет. – Кто? – Да все кому не лень. – А* ***над вами*** *4000 лет* ***измываются****...причём первую тысячу: вы сами над собой экспериментировали.* [Александр Венедиктов. Еврейский вопрос]

В значениях глаголов данной микрогруппы типовое значение уточняется с помощью набора дифференциальных сем:

I. **Наличие/отсутствие у субъекта цели отрицательного эмоционального воздействия**. Такие глаголы, как *сердить*, *дразнить, остервенять*, *измываться, издеваться, колоть, подтравливать, доканывать* отличает семантика намеренности эмоционального воздействия:

1) *Когда ни отца, ни матери уже не было в живых, я жила в Москве, в подвале у торговки на смоленском рынке, которая все* ***издевалась*** *надо мной: «Ну, ваше сиятельство, как ваши обстоятельства?»* [И. Бунин, Холодная осень]; 2) *Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили её, язвили её и* ***кололи****, как только могли; Ася им на волос не уступала.* [И. С. Тургенев. Ася (1858)]. 3) *Он не прекращал* ***доканывать*** *нас всю долгую утреннюю трапезу* [Ю. М. Нагибин. Тьма в конце туннеля].

Лексемы *разъярять, раздражать, доводить*, *разгневать, ярить* могут указывать как на **намеренное воздействие** (1) , так и на **ненамеренное** (2): *1) Такое удовольствие: он, безграмотное ничтожество, с трехклассным образованием*, ***доводит*** *до умопомрачения, побеждает интеллигента, профессора! Унижает его!* [Лидия Чуковская. Прочерк] 2) *Лауринь говорил*

сквозь зубы, видимо, ординарец одним своим присутствием ***доводил*** *его до белого каления.*

Отметим, что в составе рассматриваемой микрогруппы не наблюдается таких лексических единиц, значение которых указывает на отсутствие у субъекта желания привести кого-либо в отрицательное состояние, то есть ненамеренность действий субъекта выявляется только в контексте.

II. Некоторые глаголы рассматриваемой микрогруппы указывают на определённый **способ достижения цели**. Приведение в состояние злости может быть достигнуто **с помощью слов или с помощью каких-либо действий.** Глаголы *дразнить, колоть* и *подтравливать* отличает возможность добиваться результата двумя данными способами: 1) *Когда она бежала в школу со своими книжками, сельские мальчишки кричали ей вслед и* ***дразнили****: «Учителка!»* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)] 2) *Но этот Дон Кихот смеялся; он высовывал язык и* ***дразнил****.* [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей]

Для выражения ситуации, когда лицо приводится кем-либо в состояние злости с помощью слов, служат следующие глаголы: *остервенять, издеваться, измываться*: 1) *И потом уж он над ней* ***издевался****: «Мне так жаль его, бедного хулигана, который избил на трамвайной остановке трёх человек…»* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)] 2) *– Налимище-то! – принялся* ***измываться*** *надо мною Кеша, но я смазал ему рыбиной по морде, и он заутирался рукавом: - Че размахался-то?* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)]

III. Лексемы *сердить*, *разъярять, доводить, разгневать, ярить, доканывать* объединяет **интенсивность** оказываемого эмоционального воздействия.

Глаголы *сердить*, *разъярять, разгневать, ярить,* как правило, подразумевают незамедлительное выражение эмоций, которое обычно проявляется физически: резкими движениями, экспрессивной мимикой, выразительной жестикуляцией. Например: 1) *Этот поступок* ***разгневал*** *царя*

***до того сильно**, что он пошёл в ту же минуту к князю Меншикову и заговорил с ним, скрестивши руки со сжатыми кулаками* [Павленко Н.И. Екатерина I]. 2) *В конце концов неудачи **так его разъярили,** что, подступив к очередному прохожему, он рыкнул, сжав кулачищи* [Галина Куликова. Рукопашная с купидоном].

Лексические единицы *доводить, доконать* имеют значение доведения адресата **до крайней степени** отрицательного эмоционального состояния. В отличие от глаголов со значением большой доли интенсивности, они имеют более продолжительный и серьёзный для человека результат. Например: 1) *И за это они платили ей злобной клеветой, позорили* ее *имя, плели про нее небылицы. ... **Ее так доконали**, что она, не выдержав, разрыдалась и убежала за кулисы* [Марианна Басина. Литейный 36]. 2) *Её отношения к дочери глубоко безнравственны: она каждую минуту пилит Машеньку и **доводит её до страшного нервического раздражения**, до истерики своими беспрерывными жалобами и попрёками.* [А.Н. Островский. Бедная невеста]

IV. Среди глаголов микрогруппы «Злость» выделяются глаголы, которые подчёркивают **длительное время**, необходимое субъекту для приведения кого-либо в состояние злости – это глаголы *озлоблять, издеваться, измываться, подтравливать:* 1) *Она станет оскорблять их, **издеваться** над ними, как и её оскорбляли и как над нею **издевались***. [В.С. Соловьев. Юный император]. Важно отметить, что и результат такого продолжительного воздействия может быть очень длительным. Так, например, *озлоблять* связан с изменением личных качеств – развить в ком-нибудь злой характер: 2) *Он не сумел найти поддержки в гвардии, пресечь влияние князей Голицыных и Долгоруковых на императора Петра II, которого он **озлобил** деспотичным обращением*. [В.И. Федорченко. Императорский дом. Выдающиеся сановники.]

Сказанное мы отразили в следующей схеме:

Стилистическую окраску имеют 6 глаголов. Два глагола являются просторечными – *доводить* и *ярить*. Разговорный оттенок носят следующие лексемы: *доконать, издеваться, измываться*, *остервенять*. Две последние единицы также имеют в словарях помету «сниженное». Глаголы *колоть* и *подтравливать* как лексемы, обозначающие приведение в состояние злости, даются с пометой «переносное значение».

Эмоциональное состояние злости является отклонением от нормы, которая по мнению психологов является состоянием спокойствия, лишенного проявлений агрессии, недоброжелательности или внутренних переживаний (Витт, 1981:61). То есть мы не говорили бы о злости, если не было бы явлений противоположных ей. Альтернативой рассмотренной ситуации является ситуация приведения в положительное эмоциональное состояние. По данным словаря Л.Г. Бабенко, а также словарей антонимов русского языка М.Р. Львова и Л.А. Введенской антонимичными микроруппе «Злость»

являются глаголы микрогрупп «Спокойствие», «Доброта», «Счастье». Обратимся к анализу антонимичных глаголов.

2.3 ЛСПГ глаголов выражающих ситуацию приведения в положительное эмоциональное состояние

Человек выражает положительные эмоции в том случае, когда он удовлетворён сложившимися обстоятельствами, получает удовольствие, или в том случае, когда наступившее событие превзошло его ожидания (Вартанян, Петров, 1989:13). К ЛСПГ приведения в положительное эмоциональное состояние относятся глаголы, содержащие семантику положительных эмоций. Как говорилось выше, под такими эмоциями понимаются разные проявления состояния человека: *вдохновение, вера, доброта, любовь, надежда, радость, спокойствие, уважение, удовольствие*.

В микрогруппы «Доброта», «Спокойствие», «Счастье» входит в целом 9 единиц:

1) «Доброта»: *задабривать, смягчать, замасливать*;

2) «Спокойствие»: *умиротворять, успокаивать, утешать, утихомиривать, отогревать*;

3) одна единица из микрогруппы «Счастье» – *радовать*.

Ряд глаголов, служащих для передачи данных эмоций, объединён интегральной семой **вызывать положительное эмоциональное состояние**. Однако, так как рассматриваемые лексические единицы относятся к трём разным микрогруппам, общая доминанта не выделяется. Отметим, что словари антонимов указывают в качестве основного антонима к глаголу *злить* – лексему *радовать*, которая, по данным словарей, является единственным членом подгруппы «Счастье» («Словарь антонимов русского языка» Л.А. Введенской, «Толковый словарь русских глаголов» Л.Г. Бабенко, «Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова).

Микрогруппа «Доброта»

Доминантой следует считать лексему *задабривать. Задабривать* – вызывать расположение, снисходительность кого-л. к себе подарками, услугами, предупредительным обращением и т.п. (Бабенко, 1999:532); расположить в свою пользу (подарками, услугами, лаской) (Ожегов, 2000:407); кого/ что (разг.); расположить кого-нибудь подарками, услугами, предупредительным обращением в свою пользу, побудить относиться к себе добрее (Ефремова, 2000:491).

I. Все единицы рассматриваемой микрогруппы отличаются **намеренностью, осознанностью действий субъекта.** Лексемы *задабривать* и *замасливать* подчёркивают направленность воздействия на адресата, но настоящей целью является какая-либо выгода для субъекта действия: лестью, лаской, подкупом добиться у кого-нибудь сочувствия, задобрить кого-нибудь с целью загладить свою вину, заслужить прощенье. По этой причине в речи носителей языка данные глаголы часто используются для выражения негативного отношения к субъекту воздействия и его моральным принципам. Например: 1.*Татьяна Васильевна ездила к нему,* ***унижалась, задабривала****, чуть ли не насильно привезла его, пьяного, и он заснул на развороченном диване* [И. Грекова. Под фонарем (1963)]; 2. *Они вешают и расстреливают, пытают и сжигают, они уничтожают целые селения, они* ***льстят*** *и* ***задабривают****, они* ***притворяются*** *кроткими и доброжелательными, они вновь жгут и пытают, - порядка нет.* [Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)]

В меньшей степени это относится к глаголу *смягчать,* который, согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, имеет дополнительный оттенок «делать более приветливым, сердечным», и в первую очередь подчёркивает направленность действия именно на изменения эмоционального состояния адресата: 1. *Искусство, если не побеждает, то может* ***смягчить*** *всяческое* ***страдание*** *человека.* [Сергей Чернец. Гусь, изменивший судьбу человека]. 2. *Наверное, именно присутствие Ирэн в жизни Славы, её мягкость, доброта, свет, исходящий от этой женщины, и* ***смягчали****, одушевляли фёдоровскую*

непреклонность, не давая ей стать упрямой непререкаемостью. [Галина Шергова. Об известных всем (2002-2004)].

II. Как и в случае приведения в отрицательное эмоциональное состояние, приведение в нужное положительное состояние достигается субъектом **с помощью слов** (лесть, ласковые слова и т.д.) **или действий** (подарки, услуги, предупредительное обращение, подкуп)**.** Для глаголов *задабривать, замасливать* характерно указание на конкретный способ действия. Это могут быть как слова, так и поступки субъекта: 1*) И царь православный Тишайший* ***задабривает подарками*** *магометанского султана, чтобы тот восстановил низложенных бродячих патриархов — и тем подкрепил истоптание одних православных другими.* [А.И. Солженицын. Красное колесо]; 2) *Крепко досталось здешнему колдуну, которого еще совсем недавно, до 1972 года, боялись,* ***задабривали лестью и подарками***.[В.А. Корочанцев. Африка под покровом обычая]; 3) *Столько лет дружить со мной, пользуясь моей амстердамской квартирой и вообще гостеприимством,* ***замасливать*** *меня* ***комплиментами****, и вот, наконец, когда у меня случилась чёрная полоса, пройтись по мне всей своей завистью и злостью* [К. Кириченко. Отстегните ремни]; 4) *Но всякий раз лесничий ехал в Тарусу, с кем-то там выпивал, как-то* ***замасливал****-умасливал кого надо, и в поселке снова горел свет* [Т. Мельникова, Л. Рабичев. Таруса – 101-й километр].

Ситуации, выраженные лексемой *смягчать,* не имеют такой прагматической направленности: *Она* ***смягчает*** *его жесткое сердце* ***терпением, мягкостью*** *и* ***лаской***.

Глаголы *смягчать* и *замасливать* входят в состав микрогруппы «Доброта» в переносном значении, которое связано с семантикой ‘мягкости’, содержащейся в каждой из лексем, указывает на желание сделать характер человека более мягким, податливым.

Микрогруппа «Спокойствие»

Доминантой ряда является глагол ***успокаивать.*** *Успокаивать* - вызывать в ком-л. состояние душевного равновесия, покоя, связанного с отсутствием

забот, тревог (Бабенко, 1999:534); сделать спокойным, внушить кому-н. спокойствие (Ожегов, 2000:731); внушить кому-нибудь спокойствие, рассеять чье-нибудь беспокойство (Ефремова, 2000:866).

I. Глаголы данной микрогруппы, как правило, называют **намеренные действия субъекта**. Целью является благоприятное эмоциональное состояние адресата. 1. *Видят: сидит Васюта у стола, слезами горькими заливается. Мать её* ***успокаивает****: - Что ты, - говорит, - доченька, по ему, шалопутному, убиваешься?* [Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы]. Однако положительное эмоциональное состояние может возникать у адресата спонтанно и не являться результатом намеренного воздействия со стороны его производителя. *Сегодня, когда вокруг столько звуков – радио, телевидение, Интернет, - мою душу* ***успокаивает пение птиц*** [Наталья Склярова. Если бы у медведя было ружье]. Чаще всего субъектом в таких случаях становится неодушевлённое существительное, называющее то, что человек воспринимает чувственно или зрительно (явления природы, звуки, запахи, ощущения). *Стало тепло, наконец он согрелся после вчерашнего ливня и промозглой ночи, бушлат его уже почти высох.* ***Лес****, как всегда,* ***умиротворял душу*** [Василь Быков. Волчья яма].

II. В семантике глагола *отогревать* содержится указание на **продолжительность** оказываемого действия. Данное действие, также как его антоним *озлоблять,* направлено на приведение адресата в положительное состояние на более длительный период времени, или на изменение его характера в целом на более мягкий и чуткий. То есть субъект воздействия намерен вернуть кому-либо утраченное спокойствие, доброту, счастье и т.д. Данное значение глагола *отогревать* является переносным, часто указанная лексема встречается в сочетании с существительными **душа** и **сердце**. Например: 1. *Куня* ***отогревала*** *в нём* ***отмершее*** *за войну.* [Галина Щербакова.

Год Алёны]. 2. *Людям снова надо изобретать и* ***отогревать*** *душу* [С.И. Вавилов. Дневники].

III. Лексему *утихомирить* отличает способ глагольного действия, в котором наблюдается **оттенок принудительности**. Действия субъекта могут отличаться жёсткостью или строгостью и обычно сопровождаются другим физическим действием. В отличие от других глаголов, в данном случае целью является положительное состояние не адресата, а субъекта действия. *Чтобы* ***утихомирить*** *девушку, представителям службы безопасности поезда даже пришлось* ***надеть на неё наручники*** [Виктория Генн. Мама, не горюй!] Участники описываемой ситуации как правило разностатусны: субъект обладает большей властью. Лексическая единица *утихомирить* является стилистически-окрашенной, разговорной.

Далее обратимся к единственному глаголу **микрогруппы «Счастье»** – *радовать.* Согласно словарями антонимов русского языка рассматриваемая единица является антонимом к глаголам лексико-семантической микрогруппы со значением приведения в состояние злости:

Радовать – вызывать ощущение большого душевного удовлетворения, удовольствия, счастья (Бабенко, 1999:533). *Возбуждать, вызывать радость в ком/ чём-н., доставлять радость* (Ожегов, 2000:743). *Возбуждать радость в ком/чем-нибудь, доставлять кому-нибудь радостное удовлетворение* (Ушаков, 1995:211).

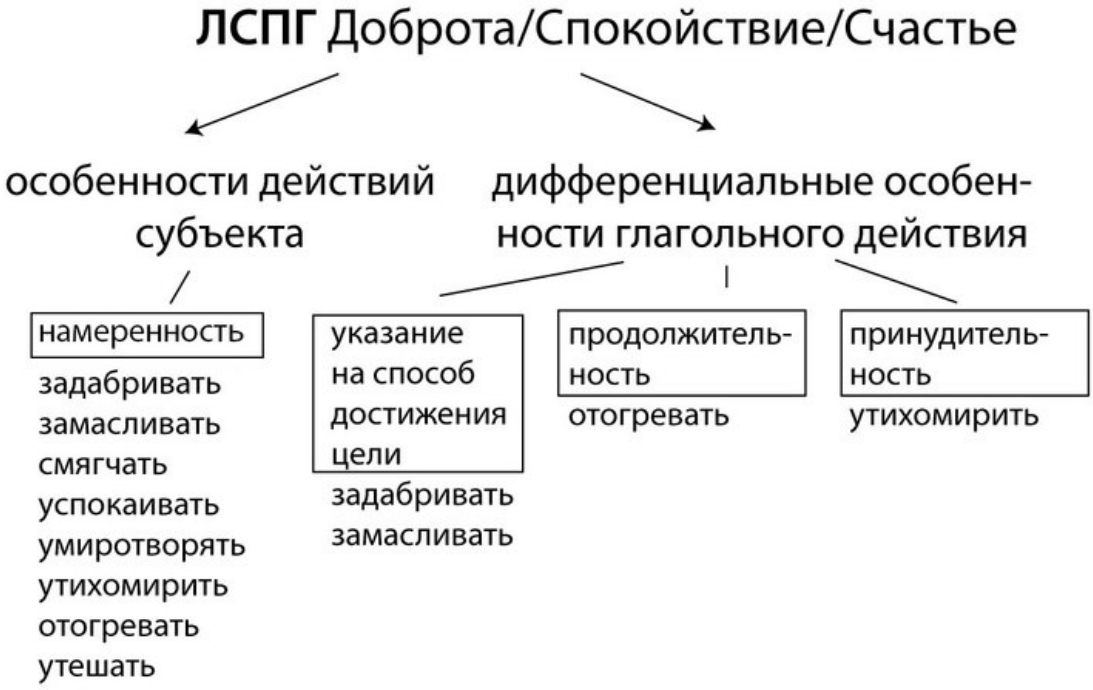
Значение данного глагола является очень широким и по этой причине может заменять большое количество других глаголов (*веселить, тешить, забавлять, услаждать* и др.) со значением приведения в положительное эмоциональное состояние.

I. В случае, если у субъекта **отсутствует цель**, действие может быть бессознательным: ***Сын радовал*** *отца. Мальчик был способный, талантливый, отзывчивый, мягкая, впечатлительная, богато одаренная, самолюбивая и пылкая натура* [К. Станюкович. Два брата]. Или, напротив, обдуманным, целенаправленным: *Сторонились они и расступались в разные*

стороны пред выраставшею во мне потребностию идти заступаться, жертвовать, ***радовать, чтобы радоваться*** *самому, - потребностью, пробуждённой примером отца и постоянно им же поддерживаемой* [Г.И. Успенский. Новые времена, новые заботы].

II. Способом достижения эмоции являются слова: 1. ***Тюлень Гувер****, воспитанный в Бостонском океанариуме (США),* ***радовал*** *посетителей* ***такими выражениями****, как «Привет!» «Как дела?» «Иди сюда, эй!»*[А.П. Дубров, О.Л. Силаева. Кот, говорящий по-азербайджански// «Первое сентября», 2003]. А также с помощью действий: *Муж очень любил её и* ***радовал*** *постоянно* ***вниманием*** [А. Маринина. Последний рассвет].

Сказанное мы отразили в следующей схеме:



Результаты проведенного исследования мы отразили в таблице:

Антонимические отношения лексико-семантических микрогрупп «Злость» – «Доброта»/ «Спокойствие»/ «Счастье»

злить	радовать
дразнить	-
разъярять	успокаивать; смягчать

сердить	радовать; смягчать
доводить	-
раздражать	задабривать, замасливать; умиротворять
озлоблять	умиротворять
остервенять	отогревать
измываться	-
издеваться	-
разгневать	успокаивать
ярить	утихомирить
подтравливать	-
доконать	-
колоть	-
бесить	успокаивать; смягчать

Как следует из таблицы, словари антонимов отмечают лексемы с противоположным значением только для половины глаголов со значением приведения в состояние злости, несмотря на семантическую близость некоторых лексем (*измываться, издеваться, остервенять; озлоблять, подтравливать)*. Антонимы не всегда составляют пару: в некоторых случаях одному глаголу микрогруппы «Злость» противопоставляются несколько из микрогрупп положительных эмоций. Антонимами к одному глаголу с отрицательным значением могут являться положительные лексемы из разных микрогрупп. Например: 1) *разъярять, бесить – успокаивать* («Спокойствие»), *смягчать* («Доброта»); 2) *раздражать – задабривать, замасливать* («Доброта»); *умиротворять* («Спокойствие»); 3) *сердить – радовать* («Счастье»), *смягчать* («Доброта»). Для глагола *раздражать* в качестве антонимов приводятся лексемы *задабривать, замасливать* с отрицательной коннотацией и *умиротворять,* в котором негативное значение отсутствует.

Рассмотрим лингвокультурные особенности ситуации приведения в отрицательное эмоциональное состояние на примере лексико-семантической микрогруппы «Злость».

2.4 Лексико-семантическая микрогруппа «Злость» в лингвокультурологическом аспекте

Как отмечалось, слово «эмоции» обычно рассматривается как термин в психологии. Фрагменты языкового сознания носителей языка изучаются с помощью ассоциативных и когнитивных экспериментов, анкет, открытых интервью, обычно применяемых в психологии и социологии, и других экспериментальных способов. Однако для носителей языка более реальными и жизненно актуальными чаще являются не научные, а наивно-психологические представления, отражённые языком. Ю.Д. Апресян писал: «Во многих случаях они [наивные представления – И. Н.] не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надёжным проводником в этот мир» (Апресян, 1995:39).

Эмоции являются одним из сложных явлений, которые присущи всем народам, однако в вопросах вербализации обладают яркой спецификой, которая эксплицирует представления о тех или иных эмоциях именно данной языковой группы. Русская эмоциональная наивно-психологическая картина также воплощена в языке. По этой причине нам представляется интересным наиболее глубоко рассмотреть ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние в лингвокультурологическом аспекте, поскольку в настоящее время изучением национально-культурных наивных представлений о мире в языковой форме занимается недавно возникшая лингвистическая дисциплина – **лингвокультурология**.

Объектом изучения лингвокультурологии, как отмечает Е.Е. Юрков, в первую очередь является часть содержательного плана языковых единиц на

всех уровнях, обусловленная особенностями культуры, системно-структурные отношения в языке, сложившиеся в языковом обществе под влиянием его родной культуры (Юрков, 2012:12).

Данная наука входит в область интересов таких авторов, как В.Н. Телия, В.В. Воробьёв, В.А. Маслова, В.В. Красных, Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков и др.

Исследователи подходят к дефиниции лингвокультурологии по-разному. Обычно в определениях отмечается её пограничный междисциплинарный характер, возникают споры о признании её отдельной наукой, подчёркивается изучение взаимосвязи языка и культуры (См. об этом: Зиновьева, Юрков, 2009: 12-13).

В понимании лингвокультурологии мы придерживаемся мнения Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юркова: ***Лингвокультурология*** – филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии (Зиновьева, Юрков, 2009:13).

Данное определение выделяет лингвокультурологию как отдельную науку, подчёркивает важность ассоциаций и информации энциклопедического характера, а также предполагает учёт знаний и представлений о мире носителей определённого языка через анализ языковых единиц.

В связи с этим оказывается важным одно из наиболее важных понятий лингвокультурологии – **языковая картина мира** (ЯКМ)**.** На данный момент

в научной лингвистической литературе также существует множество дефиниций этого термина.

По мнению В.Б. Касевича, языковая картина мира представляет собой совокупность языковых знаний, закодированных оппозициями словаря и грамматики (Касевич, 1996:179). В.А. Маслова называет языковую ЯКМ метафорой, не создающих для носителей языка иную картину мира, а предающей «специфическую окраску, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» (Маслова, 2001:66).

В данной работе мы будем придерживаться мнения Е.С. Яковлевой, которое лаконично, но ёмко передаёт особенности описываемого явления. ***Языковая картина мира*** – это зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности, своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева, 1996:47).

Каждый человек воспитывается в рамках национальной культуры своего языкового сообщества. Это оказывает влияние на формирование его взглядов и представлений об окружающем мире на подсознательном уровне, специфика которых ощущается в повседневной жизни. Душевные состояния в языке часто находят метафорическое отражение. Наиболее древний вид концептуализации метафоры заключается во внутренней форме слова. Поэтому в нашей работе мы произвели анализ корневых морфем отобранных глаголов и анализ частотных префиксов.

Лексико-семантическая микрогруппа «Злость»

Злить

Корень –зл- восходит к слову *зло.*

В словаре Д.Н. Ушакова приводится следующее определение: *Зло* - 1**.** (*только ед.)* Дурное, греховное, вредное; ант. добро. 2**.** Беда, напасть, несчастье (*книжн. устар.*). Из двух зол выбирать меньшее.

3**.** (*только ед.)* Злость, злое чувство, досада, преим. в выражениях: со зла; Зло берет, взяло или разбирает кого (*разг.*) (Ушаков, 1995:463).

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет понятие так: *Зло* – 1. *(только ед.)* Нечто дурное, вредное, противоположное добру; злой поступок. 2. Беда, несчастье, неприятность. 3. *(только ед.)* Досада, злость. Сделать что-н. со зла 3. берет (Ожегов, 2000:339).

Дефиниция, данная словарём Ефремовой несколько отличается: *Зло* – 1. Нечто плохое, дурное. Ант.: добро. 2**.** Несчастье, беда, неприятность. II *нареч. качеств.-обстоят.* 1**.** Принося зло, ведя к гибели. *отт. перен.* Язвительно. 2**.** *перен. разг.* В высшей степени, предельно в своём проявлении; чрезмерно, чрезвычайно, очень. III *предик.* Оценочная характеристика чьего-либо поведения, чьих-либо действий, поступков как злых, жестоких (Ефремова, 2000:463).

Во всех указанных словарях совпадают первое и второе значения, отмечающее наиболее общее, наивное представление о зле как о чём-то плохом в широком смысле: любое несчастье, любое неприятное событие рассматривается как зло. Значение, которое имеет непосредственное отношение к эмоциям человека, отмечено словарями Ушакова и Ожегова под цифрой 3.

Отметим, что в определении лексемы *зло* словарь Ожегова называет синоним *злость*. В чём же разница? Как указывалось ранее, з*лость* – это «злое, полное раздражённой враждебности настроение» (Ушаков, Ожегов); «чувство гневного раздражения» или «выражение такого чувства» (Ефремова). Однако, помимо этого, в понимании С.И. Ожегова, *злость* - это стремление действовать активно, бороться, боевое настроение. Данное замечание позволяет заметить, что вопреки общему представлению, *злость* имеет не только негативное значение. Об этом свидетельствует и этимология лексемы.

В.И. Даль писал, что *злой* означает «высшую степень подразумеваемого свойства» (*злой работник* – старательный, ретивый, способный). Толковый

словарь С.А. Кузнецова отмечает: *злость* – стремление действовать активно, боевое настроение, азарт (Кузнецов, 2000:496).

Соответствующее значение присуще и глагольной лексеме: *Я знала, что мне нужен Рэйвин, чтобы разозлить меня. Рэйвин был отличной поддержкой, особенно когда пытался что-то сделать, дабы я не потеряла настрой* [М. Данилова. Заклинательница холодов].

В то время, как *зло* – это категориальное и всеобъемлющее понятие, противопоставленное добру. Это общее понятие, не являющееся национально-специфичным.

Однако *зло* обладает яркой метафорически-образной семантикой: *злые силы, нечисть, бес* – то есть всё то, что приносит неудачи и отравляет жизнь человека. Для русских в этой связи специфичным является употребление глагола *злить* в безличных конструкциях. Тем самым проявляется любовь русского человека переложить ответственность за негативные эмоции на внешние обстоятельства, а не на черты собственного характера. Например:

1. *Отрезвило в момент и, главное, по-настоящему меня разозлило. Вот теперь я готов был высказать всё, что по этому поводу думаю* [А. Столяров. Ворон]. 2. *Что меня разозлило? То, что игрок бросил монетку? Или то, что она была медной? Нет, получение даже такого мелкого подношения – нормальная для уличного артиста вещь* [Г. Шаргородский. Чудак. Неправильный вор].

Исходя из сказанного выше, можно говорить о том, что глагол *злить* в наивных представлениях имеет с два значения: 1) с помощью приведения в отрицательное эмоциональное состояние добиться положительных результатов; 2) приводить в негативное состояние, в котором человек не всегда принадлежит себе, находится под властью злых сил.

Озлоблять

Следующий глагол, имеющий тот же корень –**зл-**, – *озлоблять*. Эта производная лексема образована от существительного *злоба*. Не смотря на то, что по данным словарей *злоба* есть то же самое, что *злость* – чувство

гневного раздражения (Ожегов, 2000:411; Ушаков 1995:498), носители языка, как правило, чувствуют разницу между этими лексемами.

С точки зрения современного носителя языка, з*лоба* – есть не столько чувство, сколько черта характера: *людская злоба, лютая злоба, женская злоба, злоба души* (Русский ассоциативный словарь Караулова Ю.Н.: http:// www.tesaurus.ru). Часто эта черта проявляется в жестоких поступках. Злоба порождает зло, что свидетельствует не о возникновении мимолётного чувства, а серьёзных последствиях для души человека. Она противоположна добродушию и милосердию. В этом заключается отличие от глагола *злить*.

Озлоблять – не просто приведение в негативное эмоциональное состояние, это действие, предполагающее, что в дальнейшем будет осуществляться неоднократное отрицательное воздействие на кого-либо. То есть последствия отрицательного эмоционального воздействия являются в данном случае более необратимыми и серьёзными. Например: 1) *Кадыров: Что касается решения взрывать дома террористов, то где-то, может быть, это оправданно, а где-то выйдет боком. Мы можем* ***озлобить*** *людей. И те, которые никогда не хотели воевать, могут, оскорбившись, взяться за оружие* [А.А. Кадыров. Слово правдивое: интервью, статьи и речи]. 2) *Беспорядочные, самовольные реквизиции войск ещё более увеличивали хозяйственную разруху и чрезвычайно* ***озлобляли*** *население* [Петр Врангель. Записки].

Дразнить

На современном этапе развития языка семантика корня –**дразн-** не ясна. Этимологические словари так же не дают достоверной информации. Словарь М. Фасмера содержит следующие предположения, касательно происхождения глагола: лит. ðróžti "вырезать; укрощать", лтш. drāzt, -žu, -zu "вырезать; бранить; бить; бросать" (Фасмер, URL:https://krylov.lexicography). Отмечаются значения *бранить* и *бить* в латышском языке. А также *укрощать* – «делать кротким, тихим, спокойным» (Ожегов, 2000:873), содержащееся в литовском глаголе. Повторяющееся действие, называемое

глаголом *дразнить,* приводит к лишению человека уверенности в себе. Например: *Мне кажется, он всю жизнь мечтал исправить свой недостаток, может быть, потому что в детстве его дразнили Косым…* [Караван историй № 02/ февраль 2015].

Раздражать

Говоря про корень –**дразн-**, нельзя не отметить вариант с чередованием –**драж-**, послуживший основой для глагола *раздражать.*

Глагольная единица заимствована из старославянского языка, где образована приставочным способом от глагола *дражати,* имевшего значение "дразнить". Современный носитель языка вряд ли соотносит глаголы раздражать и дразнить как однокоренные. Корень –**драж-** чаще воспринимается в связи с физиологическим проявлением неприятного чувства из-за схожести с лексемами *дрожь, дрожать*, поэтому достаточно частотно сочетание *раздражать до дрожи*: 1) *Отвратительный пролетарий начал* ***раздражать*** *меня до дрожи!* [Д. Донцова. Обед у людоеда]; 2) *Ноутбук он притащил потому, что его* ***раздражает*** *до дрожи, когда я грызу карандаш, задумавшись над очередным фортелем героя* [О. Степанова. Своя беда не тянет].

Уровень эмоциональной насыщенности повышается за счет значения частотного для данной ЛСПГ префикса ***раз-*** со значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» (РГ, 1980 : 369). Несмотря на отсутствие в современном русском языке глагола *дражать*, важным оказывается значение доведение действия до результата.

Ярить и разъярять

В современном языке в большинстве случаев лексемы, производные от корня **-яр-,** обладают значением *гнев*: *ярость, яриться, разъярить, яростный,* и т.д. Слово *ярый*, обладающее положительным и отрицательным значением (*ярый враг – ярый патриот*), встречается реже. Прилагательное *яркий* тяготеет к положительному восприятию носителями языка, сохраняет связь с происхождением (от индоевропейской основы «jar» («ier») – «год,

весна» (ср. англ. «year», нем. «Jahr»), перешедшее в свето-цветовое обозначение (*сияющий, ослепительный, солнечный)*. Кроме того, произошла персонификация образа, содержащегося в данном корне – древнее славянское божество называлось Ярилой. Это бог плодородия, от которого, считалось, плодится земля и всё живое. «Вероятно, образ Ярилы возник из совокупности весенних обрядов, названия которых, включающие корень jar, были позднее восприняты как эпитеты бога» (Мифы народов мира, 1988:687).

Таким образом, для данных глаголов наблюдается схожее с глаголом *злить* значение приведения в боевое настроение, нацеленное на повышение активности адресата.

Кроме того, этимологическая связь с именем языческого бога также оказывается важной: ярость – это сильная эмоция, которая испытывается вышестоящим по отношению к нижестоящему. Приведём примеры: 1) *Капитан мгновенно разъярился от её тона. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали, как-никак он у себя в Оредеже был главной полицейской властью* [Наталья Александрова. Капкан для маньяка]; 2) *Мой вопрос разъярил полковника* [Д. Донцова. Лебединое озеро Ихтиандра].

В глаголе *разъярить* выделяется префикс ***раз-*** с указанным выше значением доведения действия до конца.

Разгневать

В ЛСПГ «Злость» глагол с корневой морфемой **-гнев-** очень важен. В. Колесов называет гнев таким состоянием человека, которое вызывается усилением раздражения и негодования при физическом или психологическом воздействии «вплоть до утраты контроля над собой под воздействием желания добиться справедливости» (Колесов, 2014:158).

Интересен в данном случае и факт происхождения глагола от слова *гной* (в значении *гниение*). Гной как яд разгорается внутри человека, выводит его из себя. Гниение – постепенный процесс, так и гнев до времени таится (*сдерживать гнев* – нормальное явление в современном обществе). Однако при провокации гнев разгорается мгновенно, также быстро проходит,

поскольку где гнев, там милость. Эмоция высшего по отношению низшего по статусу (Колесов, 2014:158).

Таким образом, корневая семантика глагола *разгневать* довольно яркая, эмоция отличается высокой степенью интенсивности, которая усиливается за счет семантики приставки **раз-**.

Сердить

Нельзя не отметить родственное корню **-серд-** слово сердце (ср. выражение *в сердцах*). Несмотря на то, что сама по себе лексема *сердце* не несёт оценочных коннотаций, в народных представлениях оно считается вместилищем и средоточием разнообразных эмоций и чувств человека (радость – *с лёгким сердцем, сердце радуется;* гнев – *держать сердце на кого-л.;* страх – *с упавшим сердцем, сердце дрогнуло* и др.). Часто различные эмоционально-психологические состояния человека описываются как необычные физические состояния этого органа, чувства тяжести, замирания, сжатия: *сердце упало, сердце кровью обливается, сердце остановилось* и т.д. *Сердце* во многих культурах носит символический характер, но именно в русской культуре является местом локализации эмоций (Ср.: в китайской культуре они локализуются в почках, во французской – в селезёнке, в африканской – в печени и носу) (Петрова, 2007:137). Глагол *сердить* в сознании носителей русского языка обозначает сильную эмоцию, живущую внутри человека. Пример: - *Оставим, Леонид, этот разговор; если ты пришёл* ***сердить*** *меня, так лучше бы тебе не приходить. – Я вас и не думаю* ***сердить****, а только говорю и всегда скажу, что выдать Лиду за этого человека – значит погубить её* [А. Писемский. Виновата ли она?].

Бесить

Корень **-бес-** носит прямую связь с народными верованиями в нечистую силу. Бес – злое бесплотное существо в славянской мифологии, враждебное людям. (См. Словарь религиозных терминов, 2002:4) Это дух, несущий несчастье и соблазняющий людей на дурные помыслы и поступки. По преданию, а позже и по христианскому мировоззрению, бес может вселяться

в человека, жить в нём, управлять его действиями, мучить его (Колесов, 2014:36). Нечисть представляется скверностью. Зло в русском языке часто трактуется в связи с нечистыми силами, злость объясняется как состояние, вызванное потусторонним вмешательством, а не самим человеком. Так люди предпочитают оправдывать свою склонность к негативным эмоциям. Этим может объясняться частотное употребление глагола *бесить* в безличных предложениях: 1) *Меня бесило, что я сам был причиной беспорядка, которого на старости лет не переносил* [В.П. Катаев. Кладбище в Скулянах]. 2) *Лежал он на асфальте, и меня это бесило. Я поднял его и бросил в урну* [Николай Хлевицкий. Вне формата: Основано на [не]реальных событиях].

Доводить

Значение корня **-вод-** от праслав. *voditi, от которого в числе прочего произошли: др.-русск., ст.-слав. водити. Связан чередованием с веду́, вести́, не называет на прямую отрицательное воздействие или эмоции. Однако его общее прототипическое значение — своими действиями привести кого-либо или что-либо в некое место или состояние (Фасмер, https://vasmer.lexicography.online/), позволило языку использовать в значении приведения в отрицательное эмоциональное состояние. Глагол чётко указывает на воздействие внешнего субъекта на адресата: *Я буду доводить его до белого каления пока он не придёт в неистовство!* [Влад Поляков. Мистик].

Приставка **до-** со значением «довести до какого-либо предела» (*доварить, довезти*) или даже «довести до нежелательного состояния» (*долечить (разг.), доездить (прост.)* усиливает степень эмоционального воздействия (РГ, 1980:358).

Доконать

Корень «-кон-» в данной лексеме связан с древнерусским конати – «кончать» и является производным от конъ – «начало». Очевидно, что та же основа присутствует и в слове конец. Отметим, что на Украине

слово "конати" имеет более серьёзное значение: *умирать; кончаться; агонизировать* (Фасмер, https://vasmer.lexicography.online/). Префикс **до-** имеет то же значение, что и в предшествующем случае: доведение действия до предела.

В народном представлении, глагол *доконать* имеет ярко негативную окрашенность, указывает на доведения человека до крайней степени эмоционального напряжения. Неслучайно данный глагол широко используется в художественной и массовой литературе при передаче разговорной речи. Например: - *Позиция, - проговорил Мамонт Головня, не зная, что предпринять. – Они её доконали, живоглоты. – Доконали, паря.* [Алексей Черкасов. Хмель].

Остервенять

Интересным с этимологической точки зрения является так же корень - **стерв-**. Стерво – это падаль животного (ср. *стервятник*), а также символ разложения личности. Человек, которого называют *стервой, стервецом, стервозой* – обычно негодяй, человек без моральных и нравственных устоев (Колесов, 2014:329). На этом основании глагол *остервенять* связан с превращением человека в аморальную личность.

Многозначный префикс о-, в данном случае, как нам кажется, имеет значение произведения действия до нужного предела (РГ, 1980:361). Субъект действия не прекратит разрушительное воздействие на адресата до тех пор, пока не превратит его в подобную «стервозе» личность: *В поле работай, за скотиной ходи, ребят рожай, всех корми, одевай, обстирывай да ублажай… Так и ангела остервенить можно* [Николай Дубов. Мальчик у моря].

Измываться

Корень **-измыва-** образован приставочным способом от старославянского глагола мыти со значением «вымыть». Современное переносное значение возникло на основе диалектного измываться – «насмехаться» (Крылов, https://krylov.lexicography). То есть современное *мыть, вымыть, мыло, отмыть* и т.д. являются родственными глаголу

измываться. Хотя на первый взгляд кажется странным такое соотношение, носитель языка может вспомнить выражения *«перемывать косточки»*, «*намылить шею*», имеющие непосредственное отношение к изначальному значению этого корня. Это может быть связано с тем, что данное действие производится без затраты лишних сил со стороны субъекта действия, ему легко мучить человека, это приносит моральное удовлетворение, «очищение», как после мытья. Или, напротив, целью таких действий является «очищение» адресата – после перечисления его недостатков и недочётов он в глазах субъекта становится как бы «чище». Ранее в слове выделялась приставка ***из-***, указывающая на направленность действия на адресата, подчёркивает доведение его до определённого эмоционального предела (значение: доведение действия до нужного предела *(**из**готовить)*) (РГ, 1980: 360).

Можно провести параллель со следующим народным выражением: *Без мыла (в душу) влезет (разг. пренебр.)* – способен ловко добиться своей цели угодливостью, лестью. *Этот **без мыла в душу влезет**; он и именье и капитал высосет* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы].

Издеваться

Корень **-издева-** в современном языке утратил самостоятельное значение, однако частица *де*, употребляющая в разговорном языке при передаче чужой речи, сохраняет следы его происхождения. Современная форма от дъти, имевшего значение "говорить" Исходным значением ст.-слав. глагола издѣти (имѧ) было «дать имя, прозвище». Это указывает на то, что изначально издеваться – "насмехаться, говорить обидные слова в чей-либо адрес" (Фасмер, https://vasmer.lexicography.online/).. Указанное значение сближает его с глаголами *дразнить, раздражать.* Ранее выделяющийся в глаголе префикс *из-* вносит оттенок усиления действия по сравнению с глаголом *дразнить.*

Колоть

В данном глаголе выделяется корень **-кол-**. Кол – это короткий шест с заострённым концом. В восточнославянской мифологии осиновый кол – способ убийства упырей и вурдалаков. На современном этапе развития языка *колоть* – задевать обидными словами и упрёками (Ожегов, 2000:475), не имеет отношения к физическому воздействию. Но представления об уколе, резком действии, которое приносит боль и неприятные ощущения, сохраняется в языке: *Замечание больно укололо меня: я и сам чувствовал, что перерос ВОКСовскую деятельность, и помышлял переменить место и род работы* [Юрий Федосюк. Короткие встречи с великими].

Подтравливать

В семантики корневой морфемы -**трав-** наблюдается связь со словом отрава, или яд (Колесов, 2009:565), предназначенный для смерти или нанесения вреда неугодному лицу. Всякая отрава, независимо от того, вещество это, мысль или слово является опасной для здоровья, нормального состояния человека, нарушает обычное течение жизни.

Одно из значений многозначной приставки ***под-*** – тайно, скрытно совершить действие (*подсказать, подбросить, подговорить*) (РГ, 1980:361). Это значение находит связь с семантикой корня: травят, как правило, тайно, не желая быть раскрытым. Пример: *А Эмилия невольно была подкидышем. И бабушкино умение притворяться принимала за чистую монету. Поэтому было очень больно, когда та исподтишка начинала подтравливать её* [Нина Данилевская. Смерть Петра Христофоровича].

Приведённые выше данные говорят о нежелательности и даже недопустимости выражения рассматриваемой эмоции в обществе. Можно предположить, что наша культура обуславливает необходимость подавлять злость и гнев. В этом русская культура сходится с другими восточными культурами, в которых не принято проявление эмоции в обществе (Калькова http://www.sociosphera.com).

Выводы

Итак, рассмотренные выше глаголы служат для выражения широко распространённой ситуации приведения в эмоциональное состояние. Одной из главных особенностей данных глаголов является наличие в составе их пропозиции трёх элементов: первого участника, субъекта, посылающего сообщение, оказывающего воздействие; его действие; второго участника, воспринимающего это действие в виде какой-либо эмоции. Мы рассматриваем функцию второго участника ситуации эмоционального воздействия как функцию адресата вне зависимости от грамматических средств его выражения (В., Д. или Т.п..). Употребление В.п., Д.п. и Т.п. для экспликации одного и того же участника глагольного действия демонстрирует асимметрию, существующую между внеязыковой ситуацией и грамматическими средствами ее выражения.

В результате анализа лексико-семантической группы глаголов приведения в эмоциональное состояние, нами было отмечено широкое разнообразие глаголов, называющих приведение в какое-либо эмоциональное состояние: приведение в положительное состояние, отрицательное состояние, а также группа глаголов, семантика которых раскрывается только в контексте. Каждая из перечисленных подгрупп довольно обширна, поэтому подлежит дальнейшей классификации по типу называемой эмоции. В качестве основы классификации мы пользовались «Словарём эмотивной лексики» Н.Ю. Шведовой.

Для более детального исследования нами была выбрана микрогруппа «Злость», включающая 16 глаголов: *злить, дразнить, разъярять, сердить, бесить, доканывать, доводить, раздражать, озлоблять, остервенять, издеваться, измываться, разгневать, ярить, колоть, подтравливать*. Далее были установлены синонимо-антонимические отношения между микрогруппой «Злость» и микрогруппами «Доброта», «Спокойствие» и «Счастье», в которые вошло 9 единиц: *задабривать,*

смягчать, замасливать; *умиротворять, успокаивать, утешать, утихомиривать, отогревать*; *радовать*.

На основании словарных статей и примеров употребления данных глаголов мы выделили составляющие значений, присущие глаголам рассматриваемых микрогрупп. В зависимости от субъекта, оказывающего действие, наличие или отсутствие у него цели оказать какое-либо воздействие, продолжительности, способа действия, степени эмоционального воздействия, а также стилистической принадлежности, глаголы представляют собой синонимические ряды, различающиеся дифференциальными семантическими признаками.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы, касающиеся лингвокультурных особенностей глаголов данной группы. Данные нашего исследования подтверждают, что глагольные единицы так же могут обладать культурной значимостью и отражать определённые черты ментальности русского народа, его историю и особенности вероисповедания. В частности, приведение в состояние злости для носителей русского языка связывается с представлениями:

- о паранормальных силах (нечисть, бесы, упыри, древнее божество Ярило),

- о силе слова (может ранить и принести вред, что отражается наличием глаголов, связанных с речью – *дразнить, раздражать, издеваться*),

- о взаимосвязи эмоций и физических ощущений (*раздражать* ассоциируется с дрожью от злости, а *уколоть* – с болью, уколом),

- о влиянии испытываемых эмоций на состояние здоровья человека, его психику.

Злость обладает опасными последствиями для жизни: *разгневать – гной, подтравливать – отрава, остервенять – стерво, падаль*; как и другие эмоции.

Злость локализуется в сердце, являющемся в нашем представлении средоточием человеческих эмоций и чувств (*сердить*);

Злость понимается как предельное состояние, что усиливается также частотным использованием в составе глагольного слова приставок со значением доведения действия до определённого эмоционального предела: *доводить, доконать*.

Микрогруппа глаголов приведения в состояние злости является в первую очередь антонимичной микрогруппе глаголов со значением приведения в состояние спокойствия (5 глаголов: *умиротворять, успокаивать, утешать, утихомиривать, отогревать*). ЛСГ со значением «Доброта» насчитывает лишь 3 единицы: *задабривать, смягчать, замасливать*. А также в антонимические отношения вступает глагол *радовать* из микрогруппы «Счастье».

Важность микрогруппы «Спокойствие» может быть связана с тем, что это чувство обозначает гармоничное состояние человека вообще, отсутствие негативных черт в его настроении, характере, жизни.

При описании лингвокультурных особенностей глаголов приведения в эмоциональное состояние, в частности в состояние злости, предоставляется возможным пронаблюдать представления об особенностях проявления данной эмоции с точки зрения представителей наивной языковой картины мира, выявить отношение к данной эмоции (её допустимость или недопустимость в обществе), а также выявить некоторые стереотипы русского мировидения и мировосприятия через описание выражаемой данными глаголами внеязыковой ситуации.

Заключение

В реальной жизни для передачи эмоциональных состояний существуют различные способы, в том числе – это средства языка, которые позволяют человеку опосредованно или непосредственно выражать или описывать эмоции. Эмоции могут реализовываться на всех уровнях языковой системы, и отражение эмоциональных явлений в языке является одной из наиболее актуальных и сложных проблем в языкознании. Это связывается с чрезвычайной сложностью эмоций как феномена человеческой психики, затрагивающего сложный мир чувств и переживаний, которые мы сами зачастую не можем дифференцировать, а значит и адекватно отразить в языке. Исследования эмоциональности в языке осуществляются различными отраслями лингвистики, затрагивая в том числе психологический и культурный аспект эмоционального поведения человека. Данные вопросы нашли отражение в проведённом исследовании семантики и функционирования лексико-семантической группы глаголов приведения в эмоциональное состояние в современном русском языке.

Итак, в первой главе исследования нами были рассмотрены лингвистические положения и понятия, составляющие теоретическую базу исследования. Наличие в языке системных связей позволяет говорить о том, что лексические единицы могут входить в разнообразные объединения, образованные по иерархическому принципу. Одно из самых ярких выражений системности лексики – возможность объединения языковых единиц в ЛСГ, среди которых важное место принадлежит глагольным ЛСГ. Общность семантики членов одной ЛСГ предполагает общность их синтагматических характеристик, управления. Управлением называют вид связи, при котором косвенный падеж имени обусловлен грамматическим или лексико-грамматическим значением господствующего слова. Несмотря на наличие большого количества теоретических исследований в области ЛСГ, ряд групп до сих пор остаётся вне поля зрения исследователей. Одна из них – группа глаголов приведения в эмоциональное состояние.

Практически каждое действие человека так или иначе сопровождают эмоции. Эмоции обусловлены как внутренними мотивами человека, так и внешними особенностями. Те эмоции, которые связаны с удовлетворением жизненных потребностей человека (как физических, так и моральных: желание быть любимым, необходимость в сопереживании, поддержке и т.п.) принято относить к положительным. Отрицательное эмоциональное состояние вызывается неудовлетворением определённых потребностей, нарушением нормального, привычного для человека состояния. Часто возникающая в повседневной жизни потребность передать эти эмоции так же является объективным фактом, поэтому глаголы со значением приведения в эмоциональное состояние обладают высокой частотностью употребления и, как следствие, требуют изучения в иностранной аудитории.

Произведенная нами классификация глаголов приведения в эмоциональное состояние позволяет говорить о неоднородном составе данной ЛСГ, ее иерархической организации. В составе ЛСГ выделено 3 подгруппы: приведение в положительное эмоциональное состояние (10 ЛСПГ), приведение в отрицательное эмоциональное состояние (9 ЛСПГ) и подгруппа глаголов, значение которых может быть выявлено по контексту. На данном этапе исследования отсутствует классификация последней подгруппы, что является одной из перспектив дальнейших исследований в данной области.

Нами выделены участники акта приведения в эмоциональное состояние: **субъект**, оказывающий эмоциональное воздействие и лицо, подвергающееся данному воздействию – **адресат**. А также выявлена типовая сочетаемость единиц данной ЛСГ. Установлено, что особенностью управления ряда глаголов является асимметрия между их семантическим содержанием и его поверхностным оформлением в виде зависимых именных словоформ - адресат эмоционального воздействия может выражаться как средствами Д.п., так и В.п. и Т.п.

Данные словарей и примеры контекстного употребления исследуемых лексем в современном русском языке позволили выделить составляющие значений, присущие глаголам рассматриваемых подгрупп:

- наличие или отсутствие у субъекта цели оказать какое-либо воздействие;
- продолжительность; способ действия;
- степень эмоционального воздействия;
- стилистическая принадлежность глагольной лексемы.

Антонимические отношения между микрогруппами «Злость» - «Доброта», «Спокойствие», «Счастье» отражают древнейшую оппозиция между добром и злом. Наши данные частично опровергают положение о том, что в оппозиции «добро – зло» более богатым по содержанию, а потому лидирующим следует признать «добро» (Караулов, 1976:128) и подтверждает приведённый выше тезис о том, что репрезентация негативных эмоций в русском языке превышает количество репрезентаций положительных эмоций.

Лексико-семантическая микрогруппа приведения в состояние злости более обширна, разнообразна и содержательна, чем антонимичные ей микрогруппы с положительным значением.

В исследуемых микрогруппах оппозиция «зло-добро» не является единственной и главенствующей. Можно также выделить оппозиции злость – спокойствие, злость – доброта и злость – счастье/радость.

Результаты подробного анализа корневых морфем и частотных префиксов лексико-семантической микрогруппы глаголов со значением приведения в состояние злости позволяют сделать вывод о лингвокультурологическом потенциале рассмотренных лексических единиц. Во внутренней форме слова заключена яркая метафоричная образность, что зачастую является языковым способом отражения душевных состояний. Актуальность злости как эмоции в русском языке подтверждается наличием разнообразного синонимического ряда, концептуализация которого связана с идеями отнесённости к противоестественным силам, нежелательности, вреде

для человека. На основании этого, можно заключить, что изучение вербальных способов описания эмоций может помочь и с точки зрения научной картины мира – психологии – разобраться в эмоциях, найти практическое применение и учитываться в изучении психической деятельности человека.

Библиография

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. - М.: «Советская наука», 1942. – 184 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Вопросы языкознания. – 1995. - № 1. – С. 37-68.
3. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. - Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 184 с.
4. Богданова Л.И. Представление актантной структуры русского глагола в грамматике // Богданова Л.И. Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Труды и материалы: В 2 т. Т.1. / Под общ. Ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Издательство Казанского Университета. – 2001. – С. 157-158.
5. Вагнер В.Н. Лексика русского языка как иностранного и её преподавание: учеб. пособие. – Флинта: Наука, 2006. – 101 с.
6. Вартанян Г.А., Петров Е.С. Эмоции и поведение. – Л.: Наука, 1989. – 144 с.
7. Васильев Л.М. Семантика русского глагола / Учеб. пособие для слушателей факультета повышения квалификации. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
8. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. – 1953. - №5. – С. 3-30.
9. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове)/ Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1986. – 356 с.
10. Винокур Г.О. Культура языка. – М.: Федерация, 1929. — 336 с.
11. Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий. – М.: «Либроком», 2009. – 104 с.
12. Витт Н.В. Эмоциональная регуляция речевого поведения / Вопросы психологии / Ред. О.А. Конопкин. – 1981. - №3. – С. 60-70.
13. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. - М.: Русские словари, 1996.- 275 с.

14. Гайсина Р.М. Значение и синтагматика глагола (на материале глаголов отношения). – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1980. – 78 с.
15. Грамматика русского языка Т. 2, ч.1./ под ред. В.В. Виноградова и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 1496 с.
16. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Русский язык, 1980. – 251 с.
17. Дмитриевский А. А. Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки. – 1877 - №4. - С. 3-38.
18. Евгеньева А.П. Синонимы русского языка и их особенности: Сборник статей. – Л.: «Наука», 1972. - 246 с.
19. Зиновьева Е.И. Лингвокультурологический потенциал языковой единицы и его лексикографическое и лингвометодическое // Науковий часопис Национального педагогического университета им. М.П.Драгоманова. Сер. 9. – 2011. - № 6. – С. 95-99.
20. Зиновьева Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного. – СПб,: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. – 88 с.
21. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: «Наука», 1976. – 356 с.
22. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: «Петербурское востоковедение», 1996. – 288 с.
23. Колосова Т.Н. О семантических возможностях винительного падежа// Материалы XXXI всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. Русский язык и русистика сегодня: Методическая интерпретация в аспекте РКИ. – 2002. - №6. – С. 59-60.
24. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. – Ленинград: «Наука», 1975. - 163 с.
25. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2–е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
26. Красавский Н.А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе. - 2002. - №2. – С. 86-90.

27. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах . – Волгоград: «Перемена», 2001. – 495 с.
28. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М.: Высш. Шк., 1989. – 216 с.
29. Кузьмина Н.А. Современный русский язык. Лексикология: теория, тренинг, контроль: учеб. пособие /2-е изд., испр. – М.: Наука, 2010. - 336 с.
30. Лихачева О.Н. Понятие антонимов и антонимии в русском и английском языках// Кубанский научный медицинский вестник. – 2006. - №11. – С. 73-75.
31. Максимов Л.Ю. Антонимия как один из показателей качественности прилагательных: Автореф. дис. Канд. Филол. Наук. – М., 1958. – 19 с.
32. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 183 с.
33. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов.— М.: Высш. шк., 1987.— 272 с.
34. Петрова Л.И. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии // Вестник Псковского государственного университета. – 2007. - №1. - с. 133-144.
35. Пешковский А.М. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.
36. Половникова В.И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе. – М.:Русский язык, 1982. – 105 с.
37. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике /З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – 189 с.
38. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Наука, 1980. - 1496 с.
39. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
40. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. –М.: Русский язык, 1980. – 182 с
41. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

42. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-90-е годы XIX века. – Л.: Наука, 1965. – 565 с.
43. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. / Пер. с франц. Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. — 656 с.
44. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник. – М.: Высш. шк., 2001. – 415 с.
45. Химик В.В. Практический синтаксис русского языка. Учебно-методическое пособие для иностранных учащихся. – СПб: Златоуст, 2001. – 92 с.
46. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2009. – 184 с.
47. Черняк В.Д. Синонимические связи слов в лексической системе языка: Дисс. доктора филол. наук. – СПб., 1992. – 338 с.
48. Н. М. Шанский, В. В. Иванов. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. — 2-е изд., испр. и доп.— М.: , Просвещение,1987. —192 с.
49. Шахматова М.А. Организующая роль системных отношений в лексике // Язык, культура и общение в условиях краткосрочного обучения. Сб. ст. – СПб, 2000. – С. 228 – 323.
50. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. — 335 с.
51. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. М., – 1996. – №1–3. – С. 47–57.

Электронные ресурсы

1. Калькова О.К. Теоретические основы этнопсихолингвистического описания выражения эмоций в русской и китайской лингвокультурах [Электронный ресурс] // URL:http://www.sociosphera.com (дата обращения: 29.04.2017).

2. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к рекции: Ок. 7000 стимулов. [Электронный ресурс] // http:// www.tesaurus.ru/dict/dict.php (дата обращения: 15.05.2017)

3. Национальный корпус русского языка: URL:http://www.ruscorpora.ru

4. Немов Р.С. Общая психология. [Электронный ресурс] // URL: http://all-psychology.ru (дата обращения: 17.02.2015).

5. Старовойтова Е.О. Типы антонимо-синонимических отношений в русском и испанском языках. Интернет-конференция «Современный русский язык: динамика и функционирование». [Электронный ресурс] // URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 01.10.2016).

6. Храковский В.С. Вербоцентрический подход к конструкциям и/или грамматика конструкций [Электронный ресурс] // URL: http:// www.ruslang.ru (Дата обращения: 15.11.2015).

7. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. Т. 1. № 10. С. 8-12.//URL: http://tverlingua.ru/archive/010/2_10.htm (дата обращения: 24.12.2015).

8. Шведова Н.Ю. «Эмоции и чувства в лексикографических параметрах: Словарь эмотивной лексики русского языка» [Электронный ресурс]// URL:http://www.lexrus.ru (дата обращения: 15.10.2016)

9. Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г.А. [Электронный ресурс]//URL:https://vasmer.lexicography.online/ (дата обращения: 13.03.2017)

10. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]//URL:https://krylov.lexicography.online/(дата обращения: 13.03.2017)

Словари и энциклопедии

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник / под ред. Александровой З.Е. – М.: Рус. Яз., 2001. - 568 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. - 600 с.
3. Безрукова В.С. Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2000. — 937 с.
4. Блейхер В.М. Толковый словарь психиатрических терминов. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 640 с.
5. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т.2/ Гл. ред. С.И. Вавилов. – Москва, 1952.– 730 с.
6. Большой толковый словарь русского языка/ Гл. ред. Кузнецов С.А. – СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
7. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка: около 500 антонимических гнёзд. – М.: Астрель; АСТ, 2006. – 445 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1: А-О. – М.: Русский язык, 2000. – 1210 с.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1: П-Я. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
10. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. . М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
12. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антонимических пар. – М.: Русский язык, 1984. – 384 с.
13. Малый академический словарь: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. - 4-е изд., стер. М.: Изд-во "Русский язык", 1999. – 752 с.

14. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. (2-е изд.) Т.2. К (Корибанты) – Я / под ред. С.А. Токарева. – М.: Советская Энциклопедия, 1988. – 671 с.
15. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / под ред. В.С. Степина. - М.: Мысль, 2010. – 744 с.
16. Новый объяснительный словарь синонимов рус. языка / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. - М., Вена, Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. – 1488 с.
17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. − 4-е изд., доп. − Москва : Азбуковник, 2000. – 940 с.
18. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
19. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
20. Словарь русской ментальности: в 2-х т./ В.В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А Харитонов. – СПб: «Златоуст», 2014. – 1184 с.
21. Словарь синонимов русского языка /Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. Т. 1 (А – Н). Л., 1970. - 702 с.
22. Словарь синонимов русского языка /Под ред. А. П. Евгеньевой: В 2 т. Т. 2 (О – Я). Л., 1971. - 752 с.
23. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / под ред. Розенталя Д. Э., Теленковой М. А. - М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
24. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. – М., 2001. – 824 с.
25. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. - М.: Аст-Пресс, 1999. – 698 с.
26. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.1.: А – К. – М.: Русские словари, 1995 – 884 с.

27. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.2.: Л – О. – М.: Русские словари, 1995 – 523 с.
28. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.3.: П – Р. – М.: Русские словари, 1995 - 714 с.
29. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.4.: С – Я. – М.: Русские словари, 1995 - 754 с.

Приложение I

ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние по словарю русских глаголов Л.Г. Бабенко

Приведение в положительное эмоциональное состояние	Приведение в отрицательное эмоциональное состояние	Приведение в отрицательное/ положительное состояние
бодрить	бесить	брать
вдохновлять	беспокоить	будоражить
везти	взрывать	возбуждать
веселить	возмущать	всколыхнуть
воодушевлять	волновать	вскружить
восторгать	всполошить	входить
восхищать	давить	вызывать
забавлять	доводить	душить
задабривать	доставлять	занимать
зачаровывать	доканывать	заполнять
интересовать	донимать	захватывать
обвораживать	досаждать	изумлять
обнадеживать	дразнить	льстить
ободрять	заботить	манить
окрылять	злить	навевать
осчастливливать	искушать	образумливать
очаровывать	конфузить	овладевать
приободрять	мучить	одурманивать
радовать	наваливаться	околдовывать
развлекать	навлекать	охлаждать
сближать	наскучить	ошеломлять
смешить	настораживать	переполнять
тешить	нервировать	поражать
увлекать	обескураживать	потрясать

умилять	обижать	прельщать
умиротворять	огорчать	приносить
успокаивать	оскорблять	причинять
утешать	отпугивать	распалять
	печалить (опечаливать)	растрогать
	портить	расхолаживать
	принижать	смущать
	пугать	соблазнять
	раздражать	трогать
	разочаровывать	удивлять
	разъярять	
	расстраивать	
	растравлять	
	сердить	
	стеснять	
	страшить	
	стращать	
	терзать	
	томить	
	тревожить	
	тяготить	
	угнетать	
	удручать	
	ужасать	
	унижать	
	щемить	

Приложение II

ЛСГ глаголов приведения в эмоциональное состояние по данным словарных дефиниций «Словаря эмотивной лексики русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой и «Толкового словаря русских глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко

ЛСПГ глаголов приведения в отрицательное эмоциональное состояние

Микрогруппа	**«Словарь эмотивной лексики русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой, «Толковый словарь русских глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко**
1. беспокойство	**I. -** баламутить, будоражить, булгачить, взвинчивать, докучать, переполошить, перетревожить, растрогать, всполошить, заботить, настораживать, нервировать, беспокоить, тревожить;; **II -** беспокоить, волновать, раздражать, возбудить, мутить, мять, перемутить, смущать, утруждать; **III** – бередить, всколыхивать, дергать задеть, накалить, подвинтить, подогреть, потрясти, приподнимать, приподымать, пробуждать, горячить, разжигать, разогревать, раскалять, растравливать, сверлить, сотрясать, сразить, щекотать, наэлектризовать
2. горе	**I –** глумиться, измаять, мытарить, изнурять, истиранить, истомить, истязать, накликать, губить, тиранствовать, травмировать, угрызать, уесть, умаивать, мучить, огорчать, томить, удручать; **II –** мучить, тревожить, расстраивать, угнетать, удручать; запилить, изводить, мурыжить, наморить, насылать, проманежить, сломить, сокрушать, тягчить, убивать; **III** – вгонять, глодать, грызть, душить, жечь, заедать, заклевать, затормошить, затравить, измочаливать, измять, истрепывать, казнить, надломить, надрывать, одолеть, палить, перевертывать, преследовать, пропекать, пытать, раздирать, ранить, резать, сгрызать, скрести, сметь, снедать, сосать, сушить, съедать, точить, травить, ударять, ущемлять, ущипнуть, язвить

3. грусть	**I –** наскучить, печалить, осточертеть, раздосадовать; **II -** наваливаться, стеснить/стеснять, томить, лезть, нудить, омрачать, подавлять, приставать, сокрушать; **III** – давить, растравлять, теснить, щемить, зудеть, прицепляться, пришибить
4. злость	**I –** дразнить, злить, разъярять, сердить; озлоблять, остервенять, издеваться, измываться, разгневать, ярить; **II** – доводить, раздражать; **III** – колоть, подтравливать
5. неверие	**I –** разочаровывать, разуверять; **II** – погрешить
6. недовольство	**I –** взбеленить, взъерепенить, взъярить, гневить, издергать, бесить, возмущать, досаждать, донимать, доканывать,; **III** – навлекать, взрывать
7. обида	**I –** обижать, оскорблять, принижать, унижать, издеваться, изобидеть, надругаться; **II –** осквернять, мстить, отплачивать, смеяться, умалять, портить. **III –** задеть, затрагивать, лягать, оплевывать, пригнетать, придавливать, пришивать, ронять, топтать, уколоть, уничтожить, ущемлять, уязвить, царапать
8. страх	**I –** терроризировать, тревожить, пугать, страшить, стращать, ужасать; **II** – стращать; **III –** леденить, холодить
9. стыд	**I –** конфузить, обескураживать, клеветать, клепать, обесславить, обесчещивать, озадачивать, ославлять, очернять, позорить, скандализировать, срамить, стыдить, усовестить; **II –** оскандалить, смешать, смущать, мутить; **III –** грязнить, пятнать, корежить, пачкать, поганить, подсекать, срезать

ЛСПГ глаголов приведения в положительное эмоциональное состояние

Микрогруппа	**«Словарь эмотивной лексики русского языка» под ред. Н.Ю. Шведовой, «Толковый словарь русских глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко**

1. вдохновение	I – вдохновить, воодушевить, окрылить; II – одухотворить, одушевить; III – зажечь, опьянить, поднять
2. вера	I – убедить, уверить; II – приручить, укрепить
3. доброта	I – задабривать; II – смягчить; III – замасливать
4. дружба	I – подружить, приблизить, примирить; II – сплотить
5. любовь	I – влюбить, зазнобить, изнежить, нравиться, подмазаться, полонить, предрасположить, прельстить, приворожить, причаровывать, умилить; II – заворожить, нежить, очаровать, чаровать, покорить, привадить, привязать, разнежить, расположить, сблизить, связать, увлечь; III – заколдовать, закружить, пленить, подкупить, притянуть, склонить, сразить
6. надежда	I – обнадёжить, сулить; II - поддержать
7. радость	I – бодрить, веселить, восторгать, живить, забавить, забавлять, насмешить, ободрить, поразвлечь, приободрить, радовать, развлечь, раззадорить, разыграть, разутешить, распотешить, рассмешить, тешить, смешить, увеселять, уморить; II – оживить; III – воскресить, освежить, поднять, проветрить, просветлить, пьянить, раззудить, раскачать, расшевелить, светить
8. спокойствие	I – умиротворять, успокаивать, утешить, утихомирить; III – отогревать
9. удовольствие	I – баловать, восхитить, насладить, ублажить, угодить, удовлетворить, усладить; II – потешить, нежить

*Римские цифры I, II, III соответствуют условным обозначениям, принятым в эмотивном словаре: I - основные значения; II - номинативно-производные значения; III – переносные значения.

Приложение III

Антонимичные отношения глаголов микрогрупп «Злость», «Доброта», «Спокойствие», «Счастье»

глагол	словарь	Толкование	Антоним	Толкование
злить	Бабенко	*Кого* Вызывать раздражённо-враждебное чувство, желание причинить кому-л. что-л. вредное, недоброе.	Радовать	*Кого* Вызывать ощущение большого душевного удовлетворения, удовольствия, счастья
	Ожегов	*кого (что)*. Вызывать злость в ком н., сердить.		*кого (что)*. Возбуждать, вызывать радость в ком чём н., доставлять радость.
	Ушаков	*Кого/ что*. Возбуждать злость в ком нибудь, приводить кого нибудь в злобное раздражение, сердить.		1. *кого что*. Возбуждать радость в ком чем- нибудь, доставлять кому-нибудь радостное удовлетворение.
дразнить	Бабенко	*Кого*. Вызывать умышленно раздражение у кого-л. чем-л.: словами, действиями, жестами и т.п.	-	
	Ожегов	1. *кого (что*). Злить, умышленно раздражая чем н. Д. обидными словами, до слёз.		
	Ушаков	*кого что*. 1. Злить, сердить, намеренно раздражать шутками, приставанием.		
разъярять	Бабенко	*Кого*. Вызывать у кого-л.чувство сильного гнева, ярости, приводить в бешенство	Успокаивать	*Кого-что*. Вызывать в ком-л. состояние душевного равновесия, покоя, связанного с отсутствием забот, тревог
	Ожегов	*кого (что*). Привести в ярость.		1. *кого (что)*. Сделать спокойным (в 1, 2 и 3 знач.), внушить кому-н. спокойствие.
	Ушаков	*Кого (что)*. Привести в ярость.		**1.** *кого-что*. Внушить кому-нибудь спокойствие, рассеять чье-нибудь беспокойство.
сердить	Бабенко	*Кого*. Вызывать в ком-л. состояние недовольства, ярости, заставляя кого-л. сердиться	Радовать	
	Ожегов	*кого (что*). Раздражать, заставлять сердиться.		

	Ушаков	*кого (что)*. Раздражать, злить, приводить в гневное состояние.		
доводить	Бабенко	*Кого до чего. Прост.* Вызывать в ком-л. какое-л. тяжёлое состояние крайнего эмоционального утомления, доводить кого-л. до крайности, мучить кого-л. чем-л.	-	
	Ожегов	**4.** *кого (что).* Раздражить, рассердить (*прост.).*		
	Ушаков	-		
раздражать	Бабенко	Употреб. Преим. В несов. *Кого.* Вызывать у кого-л. досаду, недовольство кем-, чем-л.	Задабривать	*Кого чем.* Вызывать расположение, снисходительность кого-л. к себе подарками, услугами, предупредительным обращением и т.п.
	Ожегов	1. *кого (что*). Рассердить, раздосадовать. Р. неуместными шутками.		*кого (что).* Расположить в свою пользу (подарками, услугами, лаской).
	Ушаков	1. *кого (что)*. Привести в состояние гнева, досады, озлобленного возбуждения, рассердить.		*кого что (разг.).* Расположить кого нибудь подарками, услугами, предупредительным обращением в свою пользу, побудить относиться к себе добрее, ласковее.
озлоблять	Бабенко	-	Умиротворять (так же к раздражать)	*Кого.* Вызывать в ком-л. чем-л. состояние покоя, мира, удовлетворения.
	Ожегов	*кого (что).* Ожесточить, сделать злобным.		*кого (что).* Привести к миру, успокоить.
	Ушаков	*кого (что).* Вызвать в ком нибудь злобу, сделать кого нибудь злобным, развить в ком-нибудь злой характер.		*кого что (книжн.).* Привести к миру, в мирное состояние или настроение, успокоить.
остервенять	Ожегов	*Разг. над кем (чем).* Зло и оскорбительно высмеивать кого-что-н.	-	
	Ушаков	*Разг*. Издеваться над кем-чем. Зло и жестоко высмеивать кого-что-нибудь; бессердечно глумиться.		
	Ефремова	*Разг, сниж*. 1. Зло высмеивать кого либо или что-либо, обидно шутить над кем-либо или над чем-либо		

измываться	Ожегов	*над кем (чем) (разг.)*. Издеваться, глумиться	-	
	Ушаков	*над кем чем (разг. фам.)*. Издеваться, злобно насмехаться		
	Ефремова	*разг. сниж*. Глумиться, издеваться		
разгневать	Ожегов	*кого (что) (устар. и ирон.)*. Привести в состояние сильного гнева	Успокоить	
	Ушаков	*кого (что)*. Привести в состояние сильного гнева		
	Ефремова	Привести в состояние гнева.		
ярить	Ожегов	Яриться - 1. Быть в ярости, горячиться (*устар. и прост*.)		
	Ушаков	1. Быть в гневе, в ярости, горячиться (*устар*.).		
	Ефремова	*разг.* Приводить в состояние ярости, сильного гнева, доводить до бешенства		
колоть	Ожегов	**5.** *перен.*, *кого (что)*. Язвительно задевать, упрекать *(разг.). К. насмешками*	-	
	Ушаков	*перен., кого-что*. Язвить, попрекать, обижать, издеваться над кем-н. *(разг.)*.		
	Ефремова	**6.** *перен. перех.* Задевать кого-либо язвительными замечаниями, упреками; говорить кому-либо колкости.		
Подтравливать	Ожегов	**5.** *кого (что)*. Изводить преследованиями, клеветой *(разг.)*.	-	
	Ушаков	**9.** *перен*., *кого (что)*. Преследовать, мучить постоянными придирками, недоброжелательной критикой,клеветой (неод.).		
	Ефремова	**4.** *перен.* Изводить, мучить кого-либо нападками, придирками, преследованиями		
	Ожегов		Отогревать	То же, что обогреть. перен.: обласкать того, кто потом окажется предателем, врагом

	Ушаков			*перен*. Приютить, окружить уходом, лаской.
	Ефремова			2. *перен.* Окружив лаской, заботой, утешать, успокаивать.
	Ожегова			
	Ушаков			
	Ефремова			
	Ожегов		Смягчать	**3.** *кого (что)*. Умерить чью-н. суровость, заставить быть ласковее.
	Ушаков			**4.** *кого-что*. Вызвать в ком-нибудь мягкость, жалость, сострадание, ослабить суровость, жестокость кого-нибудь
	Ефремова			*Перен.* Делать более снисходительным, благосклонным. *Отт.* Делать более приветливым, сердечным.
	Ожегов		Замасливать	-
	Ушаков			2. *перен.* Лестью, лаской, подкупом добиться у кого-нибудь сочувствия, задобрить кого-нибудь с целью загладить свою вину, заслужить прощенье (*фам.*).
	Ефремова			*несов. перех. Разг.* Добиваться расположения лестью, лаской, подкупами и т.п.; задабривать.
доконать	Ожегов	*(разг.)*. Окончательно погубить, уничтожить.		
	Ушаков	*(разг.)*. Погубить совсем, довести до крайности.		

	Ефремова	*(разг.)* 1. Довести кого либо до крайности; погубить, уничтожить. отт. Поставить в трудное, безвыходное положение.		